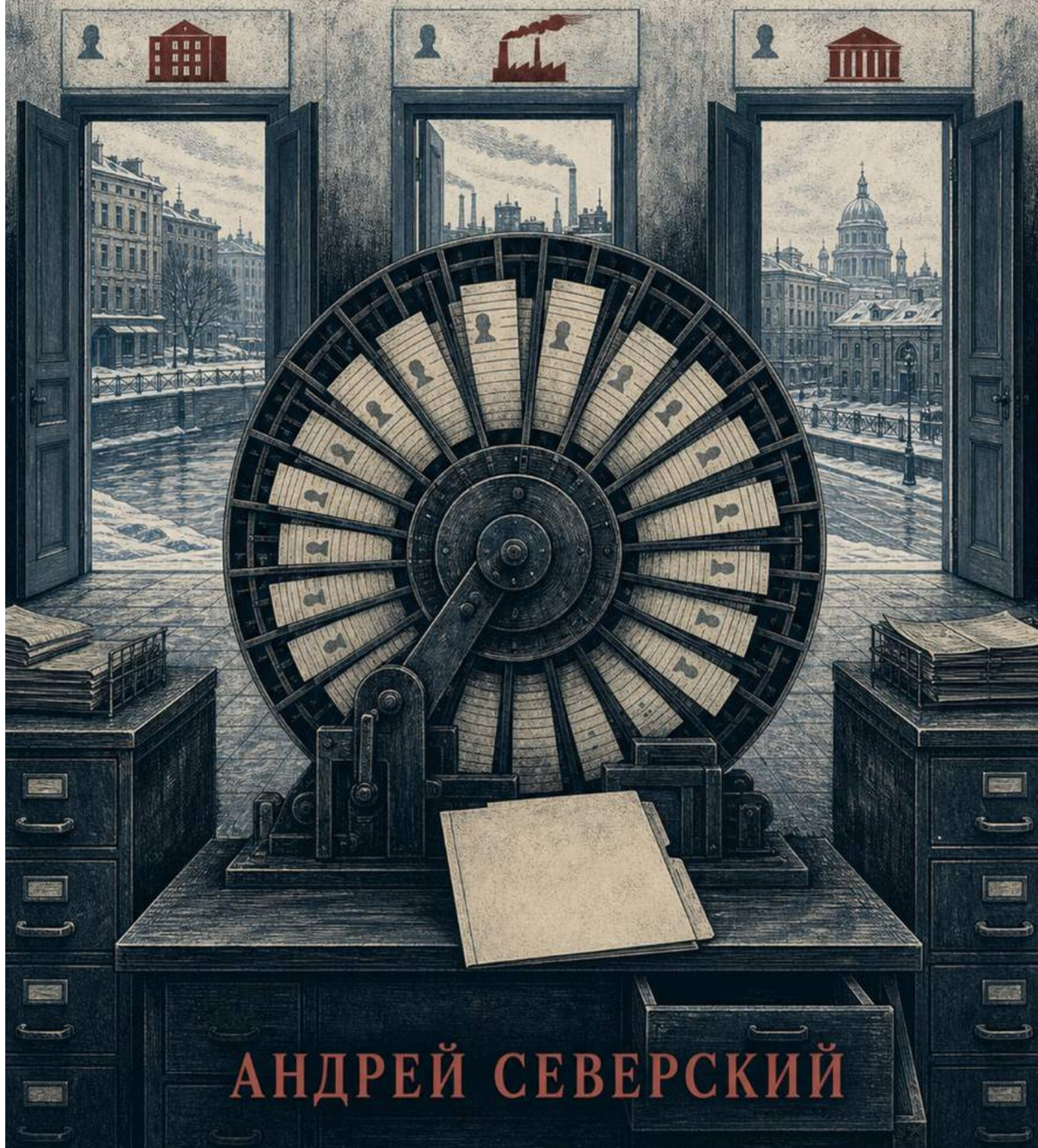

МИНИСТЕРСТВО СНОВИДЕНИЙ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Министерство сновидений

«Автор»

2026

Северский А.

Министерство сновидений / А. Северский — «Автор», 2026

социальная сатира, антиутопия, нравственный выбор, бюрократия, черный юмор

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Утреннее показание	6
Глава 2. Человек без моря	13
Третий этаж бодрствования	20
Циркуляр о лестницах	28
Свидетель пробуждения	35
Комната образцового сна	46
Сон о пустом окне	53
Кабинет с кушеткой	60
Глава 9. Архив отменённых образов	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Северский

Министерство сновидений

От автора

Сновидение кажется последним местом, куда нельзя войти по пропуску. Но достаточно однажды связать ночной рассказ с комнатой, работой или правом быть услышанным — и возле кровати появятся очередь, инструкция и человек с печатью.

Эта книга не пытается толковать сны и не предлагает считать их диагнозами, пророчествами или тайными признаниями. Её интересует другое: как непроверяемое переживание превращается в удобный общественный документ и почему люди соглашаются поддерживать нелепое правило, пока оно помогает именно им.

Позёмск вымышлен. Его учреждения не списаны с конкретной эпохи или страны. Однако способы, которыми его жители приспособляются, торгуются, шутят, стыдятся и требуют исключения для себя, вполне узнаваемы. Поэтому важнее всего здесь не устройство Министерства, а цена каждой маленькой подписи под ним.

Глава 1. Утреннее показание

К восьми утра очередь в районное Бюро утренних показаний уже дважды изгибалась внутри двора. Первый изгиб считался служебным и помещался под навесом. Вторым, ничем не предусмотренным, огибал кадку с высохшим самшитом и упирался в стену булочной. Оттуда пахло тёплой мукой, а из бюро — мокрой шерстью, сургучом и тем особенным страхом, который возникает у людей, принёсших чиновнику то, чего нельзя вынуть из кармана и предъявить ещё раз.

Лев Нечаев вошёл через боковую дверь без семи минут восемь. Привратник Кулик поднял ладонь, показывая, что заметил его своевременность. На стене за Куликом висели три часа: городские, ведомственные и часы для посетителей. Последние спешили на девять минут. Никто не знал, было ли это заботой об очереди или способом заранее отделить спорщиков от покорных.

— Двадцать шесть до открытия, — сказал Кулик. — И один влиятельный.

— Влиятельный — это должность или состояние?

— Сегодня должность. Состояние увидите сами.

На столе дежурного лежал белый конверт с красной полосой. Такие конверты приносили не просители, а посыльные из учреждений, где двери были тяжелее посетителей. На лицевой стороне значилось: «Срочное уточнение утреннего показания. Заявитель Лаврентий Аркадьевич Колодин, председатель Комитета городских весов и мер».

Лев снял пальто, провёл рукавом по запотевшему зеркалу и увидел человека тридцати девяти лет, который выглядел старше только в общественных местах. Дома лицо возвращало ему несколько лет, но в бюро всякий сотрудник быстро приобретал выражение мебели: надёжной, тёмной и не склонной обсуждать, кого на неё посадили.

В регистраторской уже работала старшая смены Евдокия Павловна. Она ставила на столы чернильницы, словно расставляла дозы лекарства.

— Колодина берёте вы, — сказала она вместо приветствия. — Вчерашний индекс восемьдесят три. Сегодня автоматическая оценка дала шестьдесят один.

— За одну ночь?

— За один образ. Он видел сломанные весы.

Лев положил конверт рядом с журналом.

— Комитет весов и мер не переживёт такого совпадения.

— Комитет переживёт. Мы можем не пережить квартальный отчёт. У нас и без него средний индекс района просел на две десятых.

В бюро любили говорить, что индекс принадлежит гражданину. На деле он принадлежал всем понемногу: жилищному отделу, месту работы, школе его детей, районной отчётности и регистратору, который выбирал код. Самому гражданину доставались последствия.

Евдокия Павловна вынула из ящика свежий циркуляр.

— Центральное управление уточнило категорию повреждённых инструментов. Если поломка означает отказ от прежней меры ради новой общественной меры, допустим повышающий коэффициент.

— А если весы просто сломаны?

— Тогда они просто сломаны. Но вы ведь умеете слушать подробно.

Это была не просьба нарушить правило. Просьбы оставляли след. Евдокия Павловна лишь напомнила, что хорошее описание отличается от плохого количеством обстоятельств.

На служебной доске мелом вывели суточную норму: сорок два принятых показания на регистратора, не более пяти возвратов, средний срок разговора — одиннадцать минут. Ниже

кто-то приписал: «Сны короче по четвергам». Приписку не стирали, потому что она успокаивала новичков.

Лев открыл свой стол. В верхнем ящике лежали бланки, в среднем — таблицы образов, в нижнем — бутерброд и старый список квартирной очереди. Собственную фамилию он знал там наизусть: Нечаев Л. М., место 118. При повышении до Центрального управления служебный коэффициент мог передвинуть его сразу в первую тридцатку. Если средний индекс отдела сегодня не упадёт. Если рекомендация Евдокии Павловны, обещанная ещё весной, наконец получит номер. Если ни один важный человек не уйдёт отсюда с ощущением, что его ночь поняли недостаточно внимательно.

В восемь Кулик отпер входную дверь. Очередь вошла в здание не сразу, а как вода в узкое горло: с толчками, возмущением и сохранением формы сосуда. Посетители держали перед собой будильники. Ведомство выдавало их раз в пять лет, пломбировало у задней стенки и требовало не ремонтировать самостоятельно. Богатые носили приборы в лакированных футлярах. Бедные оборачивали газетой, чтобы не потерять отломанную кнопку. У кого будильника не было, тот приводил свидетеля пробуждения. Свидетели зевали убедительнее заявителей.

Колодина провели первым.

Председатель Комитета городских весов и мер оказался небольшим человеком с крупными манжетами. Следом вошли секретарь с портфелем и домашняя свидетельница — женщина в сером платье, которая остановилась возле двери, стараясь занимать как можно меньше места. Колодин поставил на стол будильник, папку и серебряный карандаш.

— Мне объяснили, что произошла машинная ошибка, — сказал он.

— Машина не толкует содержание показания, Лаврентий Аркадьевич. Она предлагает предварительный код.

— Значит, человеческая ошибка.

— Пока никакого решения нет.

Лев развернул бланк. Верхняя его половина касалась вещей, которые можно было проверить: фамилии, адреса, времени пробуждения, номера пломбы, частоты пульса в первую минуту. Нижняя начиналась невинным вопросом «Что вам снилось?» — и дальше расходилась на клетки, способные дать или отнять комнату.

— Назовите время пробуждения.

— Шесть сорок.

— По какому прибору?

Колодин коснулся будильника.

— По этому. Исправен, проверен, пломба имеется.

— Кто присутствовал?

— Анна Семёновна. Домашняя помощница.

Женщина у двери кивнула.

— Я принесла чай без двадцати семь. Лаврентий Аркадьевич уже сидели на кровати и велели записать сон.

Секретарь недовольно повернул голову. Свидетельница сказала «уже», а это слово часто разрушало аккуратно назначенное время.

Лев записал: «Свидетель прибыла к заявителю ориентировочно в 6:40, обнаружила его в состоянии бодрствования». Так фраза не лгала и не сообщала ничего лишнего.

— Теперь расскажите сон с начала. Не толкуйте его сами и не подбирайте категорию.

— Я никогда не подбираю категорию, — сказал Колодин с достоинством человека, который поручал это другим. — Я находился в главном зале Комитета. На столе стояли городские весы. Левая чаша была полна камней, правая — пуста. Я положил на правую чашу служебную печать, и коромысло сломалось.

Секретарь бесшумно вытащил из портфеля заранее напечатанную страницу.

— Устное показание, — напомнил Лев. — Бумагу можете оставить для сверки после записи.

— Затем, — продолжил Колодин, — люди, которых я прежде не видел, вошли в зал. Они вынесли старые весы и установили новые. Без чаш.

— Как они измеряли?

— Я не видел.

— Что вы чувствовали, когда сломалось коромысло?

Председатель посмотрел на секретаря. Тот смотрел на потолок.

— Ответственность.

— Это мысль. Что вы чувствовали?

— Усиленную ответственность.

Лев поставил точку. Машинная карточка, приложенная к конверту, давала код 44-Б: «повреждение общественного инструмента лицом, обязанным обеспечивать его сохранность». Минус двадцать две позиции на тридцать дней, обязательная проверка профессионального соответствия. Для сапожника сломанное шило было плохой ночью. Для председателя Комитета весов — признанием.

Но в свежем циркуляре существовала узкая дверца. Лев подвинул к себе таблицу.

— Люди, установившие новые весы, действовали по вашему распоряжению?

— Я ничего не распоряжался.

— Они спрашивали разрешения?

— Нет.

— Вы им препятствовали?

Колодин нахмурился.

— Я наблюдал.

— Почему?

— Хотел понять новую меру.

Вот оно. Не отказ от ответственности, а наблюдение за заменой устаревшего инструмента. Не разрушение, а допуск обновления. Лев произнёс формулировку медленно, чтобы заявитель мог отшатнуться, если она покажется ему опасной:

— Правильно ли я записываю: после повреждения прежней системы измерения вы не покинули зал, сохранили присутствие и наблюдали введение нового способа оценки?

Колодин впервые улыбнулся.

— Именно так всё и было.

— А печать на чаше?

— Подтверждала законность перехода, — быстро сказал секретарь.

— Вас не спрашивали.

— Но он верно заметил, — сказал Колодин.

Лев мог выбрать код 17-В: «присутствие ответственного лица при обновлении общественной меры». Плюс три позиции и отметка о способности принимать перемены. Код был создан для снов о стройках, новых календарях и замене мостовой. Весы подходили к нему только при хорошем освещении. Однако хороший регистратор тем и отличался от машины, что умел подвести случай к окну.

Он поставил карандашом 17-В, но чернила не открыл.

— Осталась проверка оболочки.

Секретарь чуть заметно вздохнул. Для посетителей содержание сна было главным, потому что его они помнили. Для бюро главным считалась оболочка: доказательство того, что рассказ был получен в надлежащий час от надлежащим образом проснувшегося лица. Оболочка придавала непроверяемым словам вид документа.

Лев взял будильник. На задней стенке сургучная пломба соединяла винт с корпусом. В сургуче отпечатался номер районной мастерской — 6.4.19. Рядом иглой процарапали дату последней поверки. Лев поднёс прибор к лампе.

Минутная стрелка показывала без четверти семь, часовая — почти семь. Будильник остановили перед входом, как требовала инструкция. В маленьком окошке под циферблатом сохранялось время последнего срабатывания звонка.

7:80.

Сначала Лев решил, что восьмёрка — плохо отпечатанная тройка. Он наклонил корпус. Цифры были чёткими: семь, двоеточие, восемь, ноль. В механическом окошке не могло появиться восемьдесят минут. Зубчатый диск после пяти обязан был перейти на ноль. Такая отметка означала замену колеса, повреждение ограничителя или поддельную пломбу.

Он провёл ногтем по сургучу. Печать выглядела целой, но вокруг винта блестела тонкая дуга свежего клея.

— Что-нибудь не так? — спросил Колодин.

У Льва на столе стоял чёрный флажок. Один поворот — и войдёт инспектор приборов, опишет будильник, приостановит показание, вызовет свидетеля отдельно. По инструкции заявителю назначат повторную подачу. Машинный код останется временным, а индекс Колодина упадёт сегодня, именно сегодня, когда Центральное управление сводит районные показатели.

Лев представил строку в отчёте. Минус двадцать две позиции у человека с весом Колодина потянут среднее вниз сильнее, чем десяток хороших снов поднимут его. Евдокия Павловна не подпишет рекомендацию сотруднику, который формально прав и статистически бесполезен. Место 118 останется местом 118. Ещё год в комнате, где сосед сверху каждую ночь роняет на пол сапог, будто проверяет наличие нижнего этажа.

— Прибор старый, — сказал Лев.

— Но исправный, — ответил секретарь.

Анна Семёновна у двери смотрела не на будильник, а на Льва. Возможно, она тоже видела клей. Домашние помощники знали устройство господских вещей лучше их владельцев и устройство господской лжи лучше секретарей.

— Когда его поверяли?

— На прошлой неделе, — сказал секретарь.

Дата, процарапанная на сургуче, относилась к следующему месяцу.

Лев почувствовал почти облегчение. Один дефект позволял сомневаться. Вторым образовывал решение. Будильник не проходил поверку; его пломбу перенесли или изготовили заново. Время пробуждения подтверждала только свидетельница, которая пришла, когда заявитель уже не спал. Оболочка рассыпалась, а содержание оставалось тем, чем было всегда: рассказом, которому выгодно верить.

Чёрный флажок ждал движения руки.

В общем зале за перегородкой одновременно заговорили первые посетители. Кто-то видел чистую лестницу. Кто-то — мёртвую птицу. Ребёнок плакал, потому что мать заставляла его вспомнить цвет двери. Пневматическая труба над столом вздохнула и выплюнула записку Евдокии Павловны: «ЦУ запрашивает предварительный индекс К. до 8:20».

Было восемь семнадцать.

— Анна Семёновна, — сказал Лев, не отрывая взгляда от флажка, — вы лично слышали звонок будильника?

Женщина помедлила.

Секретарь развернулся к ней всем корпусом.

— В квартире много дверей, — сказала она. — Но звонок был.

— В какое время?

— В то, что назвал Лаврентий Аркадьевич.

Это было плохое свидетельство: оно подтверждало не событие, а согласие. Лев мог записать точные слова, и любой инспектор вернул бы бланк. Мог задать ещё один вопрос: где она находилась, когда услышала звонок? Мог потребовать книгу посещений дома. Каждое действие было предусмотрено. Ни одно не требовало храбрости; только согласия получить предусмотренный результат.

Лев перевернул будильник циферблатом вверх.

— Следов вскрытия нет, — произнёс он.

Секретарь перестал дышать громко.

Лев записал: «Пломба визуально цела. Звонок подтверждён свидетелем. Время пробуждения — 6:40». Невозможные 7:80 он не перенёс в бланк. В графе «особые отметки прибора» поставил прочерк. Затем обмакнул перо в чернила и обвёл код 17-В.

От маленького движения пера зависело слишком многое, чтобы оно выглядело торжественно. Чернила легли неровно; пришлось промокнуть край.

— Ваше показание классифицировано как принятие новой общественной меры при сохранении ответственности, — сказал Лев. — Индекс не снижается. Предварительно повышается на три позиции.

— Предварительно? — переспросил Колодин.

— До вечерней синхронизации реестров.

— Сделайте так, чтобы слово «предварительно» нигде не задержалось.

— Это делает система.

— Систему делают люди, Нечаев.

Колодин впервые назвал его фамилию. Значит, прочитал до прихода. Или получил записку. Он поднялся, застегнул пиджак и оставил на столе серебряный карандаш.

— Вы забыли.

— Это канцелярский, — сказал секретарь. — Комитетские знаки собственности на нём отсутствуют.

— Тогда тем более заберите.

Секретарь взял карандаш двумя пальцами, как улику, которую ещё можно спасти.

Анна Семёновна выходила последней. У двери она задержалась.

— Будильник вчера уронили, — тихо сказала она. — Я предлагала не нести.

— Вы подтвердили звонок.

— Мне велели разбудить. Я разбудила.

— Без двадцати семь?

Она посмотрела ему в лицо.

— Я часов не имею.

Дверь закрылась. На столе остался круглый след от корпуса, будто будильник был мокрым.

Лев отправил карточку в пневматическую трубу. Через минуту на стенном табло мигнула строка: «Колодин Л. А. — 86». Средний индекс района поднялся на одну десятую. В общем зале никто этого не заметил, но Евдокия Павловна вошла почти сразу.

— Быстро, — сказала она.

— Показание было подробным.

— И прибор?

Лев поднял глаза. Он не знал, спрашивает ли она потому, что получила сигнал о несоответствии, или потому, что всякая удачная работа требует мелкого унижения исполнителя.

— Пломба цела.

— Я не о пломбе. У него будильники обычно опережают город. Комитетская привычка.

— Этот показывал достаточно точно.

Евдокия Павловна подошла к доске и исправила средний индекс отдела.

— Рекомендацию на Центральное я передам сегодня. Если до обеда не будет возвратов.

Так просто. Лев ожидал, что скрытый дефект хотя бы потребует специальной награды. Но наградой оказалось продолжение обычного дня.

Второй посетитель видел во сне, как его покойный дядя красил забор учреждения в зелёный цвет. Третий не помнил ничего, кроме запаха яблок, и пытался доказать общественную пользу запаха ссылкой на школьное питание. Четвёртая привела двух свидетелей, которые подтверждали разные минуты пробуждения и ненавидели друг друга настолько, что готовы были погубить индекс заявительницы ради точности.

Лев принимал, уточнял, выбирал коды. Его рука двигалась уверенно. Слова «пломба визуально цела» ещё сохранялись в памяти, но постепенно стали похожи на фразу, написанную кем-то другим.

Около девяти в зал вошёл мальчик с медным будильником, прижатым к груди. За ним шла мать в рабочем переднике.

— Отец в ночной смене, — сказала она Кулику. — Мы только спросить.

— Спрашивают после приёма, — ответил Кулик.

— Тогда принять. Сон повторился.

Слово «повторился» действовало на очередь сильнее крика. Люди отодвинулись. Повторные сны считались замкнутыми: будто человек не производил нового содержания и пользовался прежним. После третьего повторения индекс замораживали до разбора. После пятого жилищный отдел мог признать комнату используемой без достаточной общественной отдачи.

Евдокия Павловна перехватила женщину у стойки. Они говорили тихо, но в бюро умели слышать шёпот лучше обычной речи.

— Фамилия?

— Сафроновы. Глеб Матвеевич.

— Заявитель должен явиться лично.

— Он после смены. Его мастер не отпускает второй раз за неделю.

— Тогда завтра в установленный срок.

— Завтра будет поздно. Сегодня третий.

Мальчик поставил медный будильник на край стойки. На его корпусе не было футляра, зато пломба сияла новым красным сургучом. Ребёнок берёт прибор обеими руками, как небольшое горячее животное.

— Папа опять видел море, которого нет, — сказал он.

В очереди кто-то засмеялся. Не зло — от облегчения, что чужая беда сформулирована смешно.

— Тихо, — сказала мать.

— Оно было сухое. И люди ходили по дну.

Лев поднял голову. В таблице повторных образов море относилось к открытым пространствам, обычно полезным. Но сухое дно меняло категорию: исчерпание общего ресурса, невозможность обмена, замкнутость. Третий повтор означал комиссию. Если Глеб занимал ведомственную комнату, жилищный отдел получал основание пересмотреть договор.

Евдокия Павловна увидела, что Лев слушает.

— Это не ваш заявитель, — сказала она мальчику. — Идите домой. Отец придёт сам.

Женщина взяла сына за плечо, но не двинулась.

— Нам сказали, дело уже у регистратора Нечаева.

Теперь очередь посмотрела на Льва. Так смотрят не на человека, а на окно, в котором внезапно зажётся номер.

Он вспомнил невозможные 7:80. У Колодина имелись секретарь, свидетельница и прибор с перенесённой пломбой. У Глеба — ночная смена, ребёнок и слишком настойчивое море. Проверяемая оболочка первого показания была ложной, но содержание оказалось удобным. Оболочка второго, судя по свежему сургучу, могла быть безупречной. Содержание уже готовило выселение.

— Фамилия заявителя Сафронов? — спросил Лев.

— Да. Глеб Матвеевич.

— Пусть придёт после смены. До истечения двух часов с момента пробуждения.

— Он спит днём, — сказала женщина. — Для ночных у вас каждый раз спор, какое утро считать утром.

— Его пробуждение и будет утром для подачи.

Евдокия Павловна нахмурилась. Такая трактовка допускалась приложением для сменных работников, но районные бюро не любили её: дневные показания портили суточную отчётность.

— В два часа у вас разбор возвратов, — напомнила она.

— Перенесу один возврат.

— У вас их сегодня не должно быть.

Лев понял предупреждение. Рекомендация зависела не от закона и даже не от Колодина, а от чистоты нескольких клеток до обеда. Он уже однажды выбрал эту чистоту.

— Тогда приму Глеба без возврата, — сказал он.

Мать мальчика кивнула, будто это было обещанием помочь. Лев не стал её разубеждать. Он назвал час и велел принести будильник, свидетельство ночной смены и договор на комнату.

Когда они ушли, очередь сомкнулась, скрыв дверь. Следующий посетитель сел перед Львом и начал рассказывать о белой лестнице, которая вела вниз, хотя каждая ступень поднималась.

Лев слушал, задавал вопросы и видел на полях чистого бланка две цифры: семь и восемьдесят. К двум часам ему предстояло решить, что опаснее для города — невозможное время председателя или повторяющееся море рабочего. Но прежде система требовала определить направление лестницы.

Глава 2. Человек без моря

Глеб Сафронов пришёл без трёх минут два, в то самое время, когда дневной свет делал Бюро особенно неправдоподобным. Утром зелёные лампы, мокрые пальто и сонные лица ещё поддерживали назначение учреждения. После полудня окна показывали обычную улицу: извозчики ругались, дети тащили обручи, грузчики переносили ящики. На фоне этой бодрой жизни разговоры о ночных образах звучали как показания по делу, которого не было.

Глеб вошёл в рабочей куртке, застёгнутой не на те пуговицы. На левой щеке отпечатались шов подушки. За ним появились жена и сын, которых Лев уже видел утром. Женщина несла медный будильник и свёрток документов, мальчик — жестяную кружку с крышкой.

— Я велел прийти заявителю, — сказал Лев.

— Они свидетели, — ответил Глеб.

Голос у него был негромкий, но такой, каким разговаривают возле работающего станка: без надежды перекричать устройство, с расчётом, что собеседник подойдёт ближе.

— Один свидетель достаточен.

— Тогда выберите, который вам больше подходит.

Евдокия Павловна за соседним столом подняла голову. Перед ней лежали возвраты, разложенные веером. В один сорок пять она получила подтверждение: рекомендация Льва напечатана, но подпись начальника района появится после закрытия дневной ведомости. До этого момента любое дело могло изменить её судьбу с документа на черновик.

Лев указал семье на скамью. Глеб сел один. Жена осталась стоять, положив ладонь сыну на плечо.

— Время пробуждения?

— Двенадцать десять.

— Ночную смену закончили когда?

— В семь. Домой пришёл в восемь с небольшим. Уснул в девять.

— Подтверждение смены?

Глеб протянул картонную бирку проходной. На ней стояли два отиска: вход в двадцать два ноль три, выход в семь четырнадцать. Бумаги были простые и безупречные. Лев переписал числа.

— Кто установил будильник?

— Жена.

— Кто услышал звонок?

— Все слышали, — сказал мальчик. — Он как кастрюля падает.

— Тихо, Митька, — попросила мать.

Лев взял будильник. Пломба мастерской не имела ни трещины, ни клеевого блеска. В окошке последнего срабатывания стояло 12:10. Стрелки остановили в 12:18, оставив восемь минут на запись первых слов. На отдельном листке детским почерком было выведено: «Море сухое. Папа внизу. Люди идут. Лестницы нет».

— Кто записывал?

— Я, — сказал мальчик. — Папа сразу сказал, чтобы не забыть.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать. Почти тринадцать.

— Родство с заявителем?

— Сын, — ответил Глеб. — Вы же видите.

— Я обязан записать.

— А если не запишете, он перестанет быть сыном?

Лев пропустил вопрос. В проверяемой половине бланка всё складывалось слишком хорошо: ночная смена, три часа сна, точный звонок, запись через восемь минут, целая пломба. Даже пульс — семьдесят четыре — жена измерила по памятке и отметила рядом. У Колодина не было ни одного честного подтверждения. У Сафронова имелись все.

— Расскажите сон самостоятельно. С начала и без подсказки.

Глеб потёр лицо ладонями.

— Я стоял на дне моря.

— Вы знали, что это море, или видели признаки?

— Знал. И ракушки были. Такие белые, в грязи.

— Вода?

— Воды нет. Поэтому сухое.

— Кто ещё присутствовал?

— Люди. Много. Шли все в одну сторону.

— Знакомые?

— Нет.

— Куда шли?

Глеб посмотрел на сына, но мальчик упрямо глядел в кружку.

— Не знаю. К берегу, наверное.

— Вы видели берег?

— Нет.

— Лестницу?

— Какую лестницу?

Лев коснулся детской записи.

— Здесь указано: лестницы нет.

— Потому что я сказал: выбраться нельзя. Митька написал как понял.

— В предыдущих двух показаниях вы тоже находились на сухом дне?

— Да.

— Те же люди?

— Я лиц не запоминаю.

— Направление движения то же?

— Если там нет ни берега, ни указателя, какое направление может быть тем же?

Вопрос был разумным, но таблица не предусматривала географических возражений. Три совпадения — сухое море, движение без выхода, отсутствие воды — давали повтор устойчивого ядра. После третьего показания регистратор обязан был выбрать: «развивающийся цикл», если новая деталь меняла общественное значение, или «замкнутый повтор», если человек возвращался к прежнему недостатку.

— Что изменилось сегодня? — спросил Лев.

— Я проснулся раньше, — сказал Глеб.

— Внутри сна.

Глеб долго молчал.

— Людей стало больше.

— Насколько?

— Откуда мне знать? Я их не считал.

— В первом показании вы сказали «много». Во втором — «целая толпа». Сегодня — снова «много». Мне нужна качественно новая деталь.

— Зачем?

— Чтобы определить развитие образа.

— Если я приду завтра и скажу, что у одного была красная шапка, моя комната останется моей?

Евдокия Павловна переложила лист. Шорох прозвучал как предупреждение не отвечать на вопросы, в которых процедура становилась видна слишком отчётливо.

— Комната не является предметом этого приёма, — сказал Лев. — Мы регистрируем показание.

Глеб обернулся к жене.

— Слышишь, Лида? Не комната. Значит, можно не волноваться.

Лида прижала к груди свёрток документов.

— Нам из жилищного утром принесли уведомление. Если сегодня поставят третий повтор, договор пересмотрят в пять дней.

Она развернула бумагу. Ведомственная комната находилась при насосном заводе: восемнадцать квадратных метров, четверо зарегистрированных, право проживания связано с непрерывной занятостью и индексом не ниже сорока восьми. У Глеба было пятьдесят два. Третий замкнутый сон отнимал шесть позиций.

— У вас ещё дочь? — спросил Лев, заметив четвёртую фамилию.

— Нина, — сказала Лида. — На уроках.

— Сколько лет?

— Девять.

Восемнадцать метров на четверых. Лев жил один в двенадцати и каждую неделю узнавал, что его очередь продвинулась назад из-за людей с семейным коэффициентом. На миг это показалось аргументом против сочувствия. Потом он вспомнил, что Центральное управление обещало ему не чужую комнату, а новую служебную.

— Показание жилищного отдела не связывает меня в выборе кода, — сказал он.

— Но ваш код связывает их, — ответила Лида.

— Мы не обсуждаем действия другого учреждения.

— Конечно. Двери разные.

Глеб взял уведомление и сложил его вчетверо, хотя оно уже было сложено втрое. Бумага не подчинилась; один край остался торчать.

— В первый раз я говорил другому регистратору, что на дне лежала лодка, — сказал он. — Во второй раз лодки не было. Сегодня люди шли. Разве это не меняется?

Лев поднял прежние карточки из дела. Первый регистратор отметил лодку как «неиспользованное средство общего перемещения». Второй счёл её не ядром, а случайной деталью. Люди появились во втором сне, но тогда стояли. Сегодня они шли. Развитие существовало. Его можно было признать переходом от неподвижности к совместному поиску выхода и дать нейтральный код.

— Вы шли вместе с ними? — спросил Лев.

— Не помню.

— Вы сказали: «Я внизу. Люди идут».

— Может, шёл. Может, стоял.

— Это существенно.

— Во сне существенно, а когда проснулся — нет.

Лев посмотрел на часы для посетителей. Они показывали два двадцать шесть, ведомственные — два семнадцать. Срок подачи истекал по городским в два десять, но заявление приняли вовремя. На решение инструкция давала одиннадцать минут. Прошло семнадцать. На краю стола лежала записка от канцелярии: «Рекомендация ожидает итоговой ведомости».

Он мог признать развитие. Для этого требовалось принять, что движение других людей меняет личный повтор Глеба. На еженедельной комиссии такой код, вероятно, вернули бы: заявитель не подтвердил собственного участия, берег не появился, ресурс не восстановился. Возврат испортил бы ведомость. Евдокия Павловна отложила бы рекомендацию. Всё это было не наказанием за помощь Глебу, а обычной ценой сомнения.

— Митя, — сказал Лев, — твой отец произнёс слова «лестницы нет»?

— Он сказал: «Даже лестницы нет».

— До или после того, как рассказал о людях?

— После.

— Ты задавал вопросы?

— Спросил, как они выберутся.

Вот граница. Детская запись содержала детский вопрос. Если фраза об отсутствии выхода появилась в ответ, свидетель участвовал в формировании показания. По инструкции такой пересказ признавался наведённым.

— А про то, что море сухое? — спросил Лев.

— Это папа сам.

— Про людей?

— Сам.

— Про лестницу?

Мальчик понял раньше взрослых.

— Я спросил.

Лев провёл черту через графу «первичная запись свидетеля».

— Свидетельство несовершеннолетнего члена семьи не может подтверждать смысловые детали, возникшие после наводящего вопроса.

— Но будильник он не спрашивал, — сказала Лида. — Время верное.

— Время принято. Содержание я записываю со слов заявителя.

— Тогда запишите лодку, людей и то, что они пошли, — сказал Глеб. — Этого достаточно.

Лев снова просмотрел карточки. Достаточно было для человека. Для комиссии — возможно. Для безвозвратной ведомости — нет.

— Вы не подтвердили, что двигались вместе с группой. Образ остался личным пребыванием в исчерпанном пространстве. Новые фигуры не меняют ядра.

— Я не говорил «исчерпанном».

— Сухое море относится к категории исчерпания общего ресурса.

— Но там никогда не было воды. Во сне я просто знал, что море сухое.

— Если воды никогда не было, почему это море?

Глеб открыл рот и не ответил. Лев ощутил профессиональное удовлетворение: точный вопрос обнаружил противоречие. Через секунду стало ясно, что противоречие ничего не доказывает. Сон мог назвать морем что угодно. Но молчание уже легло в бланк тяжелее слов.

— Я фиксирую третий замкнутый повтор, код 63-А, — сказал Лев. — Вы вправе подать заявление на комиссионный пересмотр в течение трёх дней.

Лида поставила свёрток на стол.

— Комиссия через две недели.

— По срочному жилищному последствию можно ходатайствовать об ускорении.

— В жилищном сказали, что ускоряют по индексу от пятидесяти.

После решения у Глеба оставалось сорок шесть.

— Это компетенция жилищного отдела.

Глеб не спорил. Он поднялся, взял будильник и протянул его сыну.

— Держи. Он у нас самый честный.

Митя не принял прибор.

— Я всё правильно записал.

— Правильно, — сказал отец.

— Тогда почему?

— Потому что ты спросил про лестницу.

Лев поставил печать. Звук получился сухим и маленьким.

— Ваше свидетельство не отклонено полностью, — сказал он мальчику. — Время пробуждения подтверждено.

Митя посмотрел на настенные часы.

— Которые из них?

Евдокия Павловна резко встала.

— Приём завершён.

Лида собрала бумаги. Жилищное уведомление она оставила на столе, то ли забыла, то ли решила, что раз комната не предмет приёма, бумага здесь бесполезна. Лев окликнул её, но Глеб уже открыл дверь.

— Оставьте, — сказал он. — Может, пригодится следующему сну.

В коридоре ждала женщина с корзиной белья. Семья протиснулась мимо неё. Митя всё-таки нёс будильник, но теперь держал за звонок одним пальцем, позволяя тяжёлому корпусу биться о колено.

Евдокия Павловна закрыла дверь.

— Семнадцать минут, — сказала она.

— Двадцать одна.

— Не хвастайтесь. Код верный.

— Был вариант развития цикла.

— Не было. Было желание найти вариант. Это разные категории.

Она взяла бланк и прочитала формулировки. Указала ногтем на строку о сыне.

— Хорошо. Заинтересованный несовершеннолетний, наводящий вопрос. Комиссия не вернёт.

— Он точно записал первые слова.

— Тем хуже для них. Неточность иногда можно исправить, точность приходится классифицировать.

Евдокия Павловна поставила свою визу и унесла карточку в канцелярию. Лев остался с уведомлением о комнате. Внизу мелким шрифтом перечислялись последствия: пересмотр договора, временное размещение семьи в общежитии завода, право обжалования без приостановления переселения. На обороте Митя рисовал карандашом море. Воды на рисунке не было. По дну шли четыре человека, самый маленький держал квадратный будильник.

Лев сложил бумагу по старым сгибам и убрал в дело. Рисунок не относился к доказательствам, но выбросить его значило совершить лишнее действие.

Через полчаса пневматическая труба принесла плотный конверт. Евдокия Павловна не дала ему упасть на стол и поймала в воздухе.

— Нечаев Лев Матвеевич, — прочитала она. — Рекомендуется для собеседования на должность старшего регистратора Центрального управления. За устойчивость классификации, соблюдение процедурной чистоты и способность работать с социально значимыми заявителями.

— Быстро они.

— Колодин позвонил начальнику района. Сказал, вы понимаете разницу между поломкой и обновлением.

— А Сафронов?

— Сафронов никому не позвонит.

Она протянула конверт. В правом углу стоял входящий номер. Теперь рекомендация существовала не как обещание, а как предмет. Лев провёл пальцем по выпуклой печати.

— Когда собеседование?

— В следующий вторник. Если ваш собственный индекс не упадёт. Центральные любят независимость с хорошими показателями.

Лев убрал письмо во внутренний карман. Бумага легла напротив сердца с такой точностью, что он переложил её в портфель.

К четырём часам очередь иссякла. Кулик закрыл наружную дверь и стал собирать забытые номерки. Регистраторы сводили ведомости. У Льва было сорок четыре показания, три возврата и лучший средний коэффициент смены. Колодин дал отделу плюс три. Глеб отнял у себя шесть, но статистически его падение оказалось небольшим: низкие индексы весили меньше высоких, чтобы, как объясняла методика, не позволять частной неустойчивости искажать общественную картину.

— Получается, чем ниже падаешь, тем меньше портишь отчёт, — однажды заметил новичок.

Его поправили: чем ниже индекс, тем точнее система учитывает предел влияния.

Лев подписал ведомость. В графе возвратов стояла тройка, рекомендация была в портфеле. День завершился чисто.

На улице он увидел Сафроновых. Они не ушли домой, а сидели на низкой ограде напротив жилищного отдела. Лида держала талон, Глеб спал сидя, прислонившись затылком к чугунному пруту. Митя водил будильником по пыльному краю тротуара, оставляя две тонкие дорожки, будто прибор был тележкой.

Лев мог перейти на другую сторону. Вместо этого подошёл.

— Срочное ходатайство приняли?

Лида показала талон: номер 187.

— Сегодня вызывают до ста двадцатого.

— Завтра продолжат.

— Завтра завод получит ваш код. Они освобождают комнату сразу, чтобы не копить нарушителей.

Глеб открыл глаза.

— Не объясняй. Человек не по комнатам.

Лев не сразу понял, что это повтор его собственной фразы.

— Я могу дать выписку о праве на комиссионный пересмотр.

— Дайте, — сказал Глеб. — Бумагой окно заклеим. В общежитии дует.

— Вы можете доказать развитие сна, если вспомните собственное движение.

— А если не вспомню, придумать?

— Я этого не говорил.

— Нет. Вы вообще умеете не говорить главного.

Митя поднял будильник. Стекло покрылось пылью, но стрелки были видны.

— Он опять спешит, — сказал мальчик.

— На сколько?

— Теперь уже неважно. Папа проснулся.

Лев хотел проверить прибор, однако ребёнок прижал его к себе. Из жилищного отдела вышел служащий и повесил табличку «Приём окончен». Люди на ограде одновременно поднялись, кроме Глеба. Лида потрясла мужа за плечо.

— Пойдём. Надо собирать Нинины книги.

— Она ещё в школе?

— Пусть доучится день, — ответила Лида. — Комнату без неё перенесём.

Глеб встал. На щеке у него теперь отпечатался рисунок ограды, перечеркнувший след подушки. Он не протянул Льву руку и не отвернулся. Просто посмотрел, как смотрел бы на мастера, сообщившего, что исправный станок списан по ведомости.

— Море, которого нет, — сказал он. — А выселение есть. Удобно у вас устроено.

Семья ушла к трамвайной остановке. Лев остался возле закрытого жилищного отдела. В портфеле лежала рекомендация, в деле — детский рисунок, в реестре — сорок шесть позиций Глеба. Все три вещи были настоящими. Сон по-прежнему нельзя было проверить.

Дома Лев разогрел суп и поставил будильник на шесть тридцать. Его пломба была цела, дата проверки правильная. Он уже лёг, когда в дверь постучали условным семейным стуком: два раза, пауза, ещё один.

На пороге стояла Вера. Она держала туфли в руке, будто поднялась по лестнице бесшумно, и улыбалась только левой половиной рта.

— Мне нужно, чтобы ты завтра принял меня не как сестру, — сказала она.

— Тогда зачем пришла как сестра?

— Потому что как заявитель я до тебя не дойду. У меня индекс падает третий день.

Лев посмотрел на поставленный будильник. До звонка оставалось восемь часов тридцать две минуты — время вполне возможное.

— Заходи, — сказал он.

Третий этаж бодрствования

Вера вошла, не дожидаясь приглашения, но туфли оставила у порога. Так она делала с детства, когда собиралась просить о чём-нибудь, чего Лев не одобрит: заранее уменьшала шум, будто тишина могла считаться уступкой.

На ней было светлое платье из ателье, где она работала закройщицей, и тёмный жакет с чужого плеча. К лацкану пристала синяя нитка. Лев заметил её сразу и не снял. Сестра должна была сама следить за видом, особенно если пришла обсуждать индекс.

— Чай остыл, — сказал он.

— Я не за чаем.

— Тогда садись и рассказывай по порядку.

Вера села на край стула. На стол она положила три квитанции утреннего опроса. У всех был один и тот же серый угол — знак временной оценки. Лев выровнял листки по краю клёнки.

Три утра подряд Вера просыпалась до звонка. Пломбированный будильник подтверждал только назначенное время, не фактическое. Домовая свидетельница, Анфиса Романовна из квартиры напротив, в первый день услышала шаги в половине пятого, во второй — воду в умывальнике в четыре двенадцать, в третий отказалась подписывать что-либо без личного присутствия при пробуждении. В Бюро её показания приняли, но каждый раз отнесли к неполному циклу.

— Что тебе снилось? — спросил Лев.

— Ничего вредного.

— Это не содержание.

— Комната. Стол. На столе твой школьный ранец.

Лев посмотрел на свой портфель у стены. Ранец был коричневый, с двумя застёжками, одна закрывалась, если ударить ладонью.

— Какой стол?

— Наш. Из квартиры на Плотничной.

— Которой давно нет.

— Дом стоит.

— Квартиры нет в распределении. После смерти матери её объединили с соседней.

— Во сне она есть.

— Что происходило?

— Я ждала, когда ты вернёшься из школы.

— Три ночи подряд?

— В первый раз ждала. Во второй собирала твои тетради. Сегодня открыла ранец, а там пусто.

Лев взял карандаш, хотя бланка перед ним не было.

— Регистратору так и сказала?

— В первый день всё. Во второй — что разбирала старые вещи. Сегодня сказала, что прибиралась в комнате.

— Значит, три версии одного цикла. Они увидели повтор и сокращение содержания.

— Они увидели серый угол. Потом уже придумали, почему он там.

— Кто принимал?

— Первый раз Кулик, потом женщина с зелёной брошью, сегодня худой, который всё переспрашивает.

— Щербаков.

— Он записал: «Настойчивое возвращение к упразднённой жилой единице». Будто я ночью заявление на комнату подаю.

— А индекс?

— Был шестьдесят один. Теперь пятьдесят четыре.

Для ателье требовалось не меньше пятидесяти пяти. Формально Веру ещё не могли уволить: временная оценка давала пять дней на подтверждение. Но доступ к заказам первой категории приостанавливали сразу. Первая категория означала пальто и костюмы для служащих Центрального управления. Без неё Вера получала половину расценки и не могла пользоваться отдельной закройной комнатой.

— Ты пришла на один день раньше, — сказал Лев.

— Завтра распределяют зимние заказы. Если утром у меня опять будет серый угол, мастер отдаст их Зинаиде.

— Значит, тебя беспокоят не сны.

— Конечно, не сны. Меня беспокоят деньги. Тебя в них что-то удивляет?

Он отложил карандаш. Вера умела превращать его точность в мелочность, не повышая голоса.

— Исправить индекс задним числом нельзя.

— Ты исправляешь людям.

— Я классифицирую показания.

— Вот и классифицируй моё как надо.

— Ты моя сестра.

— Я помню. Поэтому пришла ночью, а не заняла талон.

За стеной сосед переставил стул. В доме после одиннадцати любой звук приобретал свидетельскую силу. Лев собрал квитанции и вернул Вере.

— Завтра не приходи ко мне.

Она коротко рассмеялась.

— Я думала, ты хотя бы предложишь войти через другую дверь.

— Тебя распределит общий стол. Если попадёшь ко мне, заявлю отвод.

— Ради собеседования?

Лев не рассказывал о письме. Значит, Евдокия Павловна уже позвонила кому-то из общих знакомых или рекомендацию видели в канцелярии и новость успела пройти быстрее вечернего трамвая.

— Ради чистоты дела.

— Так теперь называется собеседование?

— Вера, если я приму твоё показание, его проверят первым. У меня родство внесено в личное дело. Отменяют решение, тебе станет хуже, а мне не дадут должность. От этого твой ранец не наполнится.

— Твой ранец.

— Тем более.

Она надела туфли, не пользуясь ложечкой, смяв задник у правой. У двери задержалась.

— Мама говорила, что ты врал о снах ещё до училища.

— Мама называла враньём всё, что не могла проверить.

— Удобная семья для регистратора.

Вера ушла. Лев запер дверь и долго смотрел на три винта замка, хотя проверял только один. Потом поставил будильник с шести тридцати на шесть десять. Если прийти раньше, можно было попросить Кулика изменить распределение окон. Он не собирался принимать сестру. Он хотел убедиться, что её примет человек, способный увидеть развитие цикла, а не упразднённую жилую единицу.

В шесть девять Лев уже стоял у служебного входа. Кулик пришёл в шесть двадцать три, неся связку ключей и хлеб в сетке.

— Вы сегодня первее дверей, — сказал он.

— На третьем опять ночевали?

— Двенадцать человек. Двое ушли сами, одного забрала жена, остальные ждут допуска.

Третий этаж бодрствования официально назывался Отделением повторного дневного допуска. Туда направляли тех, чьё пробуждение нельзя было удостоверить обычным способом: проснувшись раньше будильника, не уверенных, спали ли они вообще, одиноких граждан с неисправной пломбой и людей, чьи свидетели имели слишком низкий индекс. Название осталось от старого здания, где отделение действительно занимало третий этаж. В нынешнем Бюро оно располагалось между вторым и четвёртым: лестничный пролёт приводил к площадке без номера, а лифт проезжал её, не открываясь.

Лев поднялся туда вслед за Куликом. На площадке пахло шерстяными одеялами, мокрыми волосами и горелой крупой. Вдоль стен стояли девять железных кроватей, разделённых ширмами до пояса. Человек должен был провести здесь от сорока минут до трёх часов, заснуть под наблюдением дежурного, проснуться по ведомственному звонку и сразу дать показание. Если заснуть не удавалось, гражданину выдавали справку о контролируемом бодрствовании. Она не возвращала потерянный индекс, но останавливала падение на сутки.

У крайней кровати мужчина в носках спорил с дежурной.

— Я уже спал дома, — говорил он. — Мне второй сон не положен.

— Здесь вам не сон положен, а подтверждение, — отвечала дежурная. — Содержание можете не повторять.

— Но если приснится другое?

— Тогда первое считается неподтверждённым.

— А если то же?

— Повторным.

— И что лучше?

— Я не толкователь.

На кровати у окна лежала женщина в пальто. Её глаза были закрыты, ладони сложены поверх сумки. Над изголовьем медленно вращался барабанный счётчик минут. Когда женщина шевельнулась, дежурная нажала рычаг и вернула стрелку назад.

— Спокойное место, — сказал Кулик. — Только никто не спит.

Лев попросил журнал допуска. За ночь сюда поступили трое с ранним пробуждением, четверо без свидетелей, двое с расхождением времени и три человека, утверждавшие, что не спали. Последним в графе причины ставили букву «Б» — бодрствование без доказанного начала. Три «Б» подряд означали временную приостановку индекса и направление в Центральную комиссию.

— Вчера была Нечаева Вера Матвеевна? — спросил Лев.

Кулик перестал перебирать ключи.

— Родственница?

— Однофамилица в журнале.

— Вчера не было. Сегодня записана предварительно. В семь сорок.

— Кто записал?

— Щербаков. Она просила возможность подтвердить раннее пробуждение без повторного рассказа.

Значит, после разговора с братом Вера всё-таки нашла правильный коридор. Лев испытал облегчение и тут же решил, что оно профессиональное.

— Поставьте ей независимого дежурного, — сказал он.

— Здесь все дежурные независимые.

— От районного стола.

— Тогда из Центрального только Авдеев. Он приходит к девяти.

В девять распределяли зимние заказы. Вера не могла одновременно спать под наблюдением и отстаивать место в ателье.

— Не меняйте порядок, — сказал Лев.

На первом этаже Евдокия Павловна уже открывала шкаф с бланками. Рекомендация Льва лежала у неё на столе рядом с ведомостью, словно он оставил её здесь нарочно.

— Центральное запросило выписку о родственниках, — сказала она вместо приветствия.

— К обеду подготовьте. Родители, братья, сёстры, супруги, совершеннолетние дети.

— Детей нет.

— Поэтому подготовите быстро.

— Моя сестра сегодня может прийти на повторный допуск.

Евдокия Павловна подняла взгляд.

— Может или придёт?

— Записана на семь сорок.

— Тогда вас пересадят от общего стола. И не ходите на третий этаж.

— Я уже был.

— До её прихода — любопытство. После будет вмешательство.

Она вынула из ящика красную карточку отвода и положила перед ним.

— Заполните сейчас. Причина: родство первой степени.

— Мы не первая степень.

— Для министерства первая. Оно любит семьи короткими.

К семи сорока очередь заняла два коридора. После истории с часами на проходной граждане приходили раньше и спорили, какое время считать началом приёма. Кулик выдавал номерки по городским часам, регистраторы открывали окна по ведомственным, а посетители смотрели на свои будильники. Разница между тремя временами позволяла всем быть правыми до момента отказа.

Вера появилась без пальто, с матерчатой сумкой для выкроек. Волосы она собрала слишком туго. Лев увидел её из-за стекла окна и опустил голову к журналу.

Кулик посмотрел на номерок Веры, потом на красную карточку у Льва.

— Окно четыре, — громко сказал он.

За четвёртым сидел Щербаков. Вера не двинулась.

— У меня повторный допуск.

— Сначала первичная сверка.

— Её вчера провели.

— Вчерашняя сверка вчера и действовала.

Она обернулась к Льву. Люди в очереди тоже посмотрели на него: родство узнавалось быстрее должности. Кто-то шепнул фамилию.

— Лев, скажи ему.

Евдокия Павловна перестала ставить печати. Щербаков вытянул шею из окна.

— Вы знакомы с заявительницей?

Лев встал. Он мог сказать, что предварительная запись есть в журнале. Это не было помощью, только фактом. Но факт, произнесённый родственником, становился помощью раньше, чем попадал в протокол.

— Вера Матвеевна Нечаева — моя сестра, — сказал он. — В рассмотрении её показания и организации допуска я не участвую. Прошу зарегистрировать отвод.

Евдокия Павловна взяла красную карточку и поставила время.

— Но ты вчера читал квитанции, — сказала Вера.

В очереди стало тише.

— Вне службы, — ответил Лев.

— Ты сказал, что они неверно увидели повтор.

— Я сказал, что не могу исправить индекс задним числом.

Это было правдой, выбранной из нескольких правд.

Щербаков уже поднял внутренний телефон.

— Следует отметить предварительную консультацию сотрудника?

— Никакой консультации не было, — сказал Лев. — Заявительница сообщила о личных обстоятельствах. Я отказался обсуждать классификацию.

Вера смотрела на него не как сестра и не как заявительница. Так закройщик смотрит на ткань, которая дала усадку после первой примерки: без удивления, но с необходимостью менять весь расчёт.

— Отказался, — повторила она. — Это он умеет правильно.

Евдокия Павловна велела Кулику проводить её на третий этаж. Очередь зашевелилась. Мужчина с номером сорок один спросил, можно ли всем консультироваться с регистраторами дома, если потом они публично откажутся. Женщина за ним заметила, что для этого надо сначала стать сестрой. Кулик призвал не создавать отдельный порядок из единичного случая.

Лев сел. Его первое показание касалось сна о лестнице.

Заявителю, счетоводу из трамвайного управления, снилось, что он поднимается по лестнице, но каждая ступень возвращает его на тот же этаж. Ещё вчера это был бы замкнутый цикл. Сегодня на столе лежал свежий циркуляр с синей каймой: «Об уточнении образов направленного вертикального перемещения». Лев не успел его прочитать.

— Куда вела лестница? — спросил он.

— Вверх.

— Это направление, а не место.

— В циркуляре сказано, место не обязательно.

Заявитель знал документ раньше регистратора. Так бывало, когда учреждение собиралось изменить людям жизнь: слух приходил до печати.

Лев положил циркуляр поверх бланка, но в этот момент наверху прозвенел ведомственный будильник. Один раз, второй, затем короткая дробь — сигнал подтверждённого пробуждения. Через потолок донёсся скрип кровати.

Вера должна была лежать с закрытыми глазами под взглядом дежурной, пока стрелка счётчика решала, достаточно ли неподвижности для сна. Если она заснула, её разбудили. Если только притворилась, дежурная всё равно могла подписать время, но не содержание. Подпись открывала путь к новому показанию, а новый рассказ — к восстановлению индекса. Без независимого свидетеля утреннее пробуждение оставалось семейной историей о пустом ранце.

— Продолжайте, — сказал Лев счетоводу.

— Я поднимался до третьего этажа, потом снова оказывался на первом.

— Почему считаете, что поднимались?

— Потому что ступени шли вверх.

— А этаж?

— Этаж стоял на месте.

Лев записал: «Устойчивое действие при неизменности внешнего результата». Новый циркуляр позволял считать полезным само направление усилия. Индекс счетовода вырос на две позиции. Уходя, тот поблагодарил не Льва, а лестницу.

Следующие трое тоже видели ступени.

К десяти часам с третьего этажа спустилась Вера. В руках у неё была белая справка о контролируемом бодрствовании. Белая, не зелёная: заснуть под наблюдением она не смогла. Справка останавливала снижение до следующего утра, но не восстанавливала пятьдесят пятый пункт. Зимние заказы уже распределяли.

Она прошла мимо окна Льва, не повернув головы. Щербаков вызвал её и сообщил, что повторный допуск завершён без показания. Вера расписалась. Ручка продавila бумагу так сильно, что копия прилипла к оригиналу.

Лев принял ещё семь лестниц. В одиннадцать Евдокия Павловна отпустила его в архив за выпиской о родственниках. Там, между шкафами личных дел и старой картотекой свидетелей, Вера ждала у служебной раковины. Видимо, Кулик не выпустил её на улицу и позволил пройти внутренним коридором. На сумке темнело мокрое пятно: она умылась, но полотенца не нашла.

— Зинаида получила пальто Центрального, — сказала она.

— Справка сохраняет тебе место.

— Место за столом. Не заказы.

— Я предупреждал, что принять тебя не могу.

— Ты не предупреждал, что устроишь представление.

— Отвод должен быть публичным. Иначе он не защищает решение.

— Какое решение? Мне ничего не решили.

Лев открыл шкаф с буквой «Н». Между Неверовыми и Нечаевыми лежала тонкая папка семьи. Отец значился умершим, мать — умершей, Вера — сестрой, отдельное хозяйство, индекс пятьдесят четыре с временной оценкой. За сегодняшним числом уже стояла помета: «Допуск без сна».

— До завтра падение остановлено, — сказал Лев. — За ночь нужно получить подтверждение фактического пробуждения.

— Я живу одна.

— Анфиса Романовна.

— Она больше не подпишет. Её сын сказал, что из-за моего раннего хождения мать тоже могут направить сюда: свидетель обязан различать чужое пробуждение и собственное бодрствование.

— Правильно сказал.

— Ты сейчас им гордишься?

Лев вынул семейную выписку. В графе матери стоял её последний индекс — семьдесят два. Под ним мелко было отмечено: «Свидетельские права прекращены смертью». Будто существовал другой вариант.

— Есть процедурный путь, — сказал он.

Вера перестала вытирать сумку рукавом.

— Вчера его не было.

— Вчера ты просила меня исправить индекс. Это невозможно. Сегодня тебе нужна действительная оболочка нового показания.

— Оболочка.

— Время пробуждения может подтвердить независимый свидетель. Он не обязан видеть твой сон и не отвечает за содержание. Только должен находиться рядом до звонка и иметь действующее свидетельское право.

— То есть мне нужно пригласить человека ночевать.

— Не обязательно в квартиру. Достаточно, чтобы он услышал будильник и вошёл до того, как ты начнёшь рассказ. В доме есть общий коридор.

— В половине пятого?

— Поставь на шесть. Раннее пробуждение не доказывается, зато новое — да.

— А если я проснусь раньше?

— Не вставай.

— Это и есть твой тайный путь? Лежать с открытыми глазами и ждать, пока кто-нибудь подтвердит, что я проснулась?

— В третьем этаже ты делала то же самое бесплатно для системы. Дома хотя бы сама выберешь свидетеля.

Вера посмотрела на дверь архива. За матовым стеклом прошёл человек с пачкой бланков.

— Кого?

Лев назвал Павла Сергеевича Береста, отставного контролёра водоканала из соседнего с Верой подъезда. Индекс шестьдесят восемь, вдовец, бессонница не зарегистрирована, свидетельское право подтверждено в прошлом месяце. Он несколько раз заверял пробуждения жильцов, но не состоял с ними в общем хозяйстве.

— Я его знаю, — сказала Вера. — Он берёт деньги.

— Он берёт за потерянное рабочее время. Это не запрещено, если плата не указана как условие подписи.

— А что указано?

— Благодарность за бытовую помощь.

— Сколько стоит бытовая помощь в шесть утра?

— Не знаю.

Он знал прошлогоднюю таксу: три рубля за обычное время, пять за раннее, ещё два, если свидетель должен запомнить первые слова. Теперь, после усиления проверок, могло быть дороже.

— И что мне рассказать? — спросила Вера.

— То, что приснится.

— А если опять комната?

— Не начинай с комнаты. Начни с действия.

— Ты обещал не консультировать.

— Я объясняю порядок подачи.

— Конечно.

Вера застегнула сумку. Разговор мог закончиться здесь: она найдёт Береста, дожждётся звонка, принесёт новое показание. Но Лев представил Щербакова, задающего вопрос, откуда свидетель знает первые слова. Берест честно ответит: вошёл после звонка, услышал рассказ в коридоре. Происхождение будет чистым, пока кто-нибудь не сверит его обычный маршрут. По утрам Берест торговал кипятком у грузовой станции и в шесть уже уходил из дома.

— Сегодня он может отказаться, — сказал Лев.

— Почему?

— Вторник. Водоканал выдаёт пенсионные талоны.

— Сегодня четверг.

Лев замолчал. Он перепутал день собеседования со словом, которое держал в голове со вчерашнего вечера. Вера заметила.

— Ты уже там, — сказала она. — В Центральном. Осталось только телу доехать.

— Найди Береста после смены. Не при коллегах, не у Бюро и не называй меня.

— А если спросит, откуда я знаю?

— От Анфисы Романовны. Он подписывал её племяннику.

— Подписывал настоящее пробуждение?

— Подпись была действительной.

— Я спросила другое.

— Другого в реестре нет.

Вера медленно кивнула. Не в знак согласия — она запоминала формулировку.

— Значит, ты мне поможешь так, чтобы нигде не было видно, что помог.

— Я помогу так, чтобы решение не отменили из-за родства.

— И чтобы тебя взяли.

— Это не противоречит первому.

— У тебя вообще ничего себе не противоречит. Ты просто раскладываешь вещи по разным графам.

Она ушла через внутренний коридор. Лев остался у шкафа с семейным делом. Выписку для Центрального следовало составить полностью, включая падение индекса сестры и сегодняшний отвод. Если скрыть временную оценку, служба проверки найдёт её сама. Если указать, собеседование могло начаться с вопроса о семейной устойчивости.

Он записал: «Нечаева В. М., отдельное хозяйство, индекс действующий». Число не поставил. Это не было ложью: форма требовала статус, а не величину. Рядом приложил копию отвода. Публичный отказ теперь защищал не только будущее показание Веры, но и его рекомендацию.

Вернувшись к окну, Лев увидел на столе новый циркуляр. Синяя кайма пачкала пальцы. В приложении перечислялись лестницы, стремянки, ступени, откосы, подъёмники без кабины и «иные образы направленного усилия». Полезность больше не зависела от достигнутого этажа. Достаточно было двигаться вверх или убедительно назвать движение восходящим.

— Поздно читаете, — сказал Щербаков. — Я уже восемь подъёмов провёл.

— С последствиями ознакомились?

— Плюс два за действие, плюс один за перенос общественного груза. Хороший циркуляр.

— А повторяемость?

— Сохраняется. Только сегодня у всех первый раз.

У окна собралась новая очередь. Люди держали будильники, справки и одинаково сложенные листки. С дальнего конца коридора доносилось слово «лестница». Оно передавалось от одного к другому не как рассказ о сне, а как номер нужного трамвая.

Лев подумал о Вере, которая вечером постучит к Бересту и предложит деньги за присутствие при будущем факте. Пока факта не было, подпись нельзя было назвать ложной. Пока рассказ не произнесён, нельзя было доказать, что его подсказали. Процедура оставалась чистой, если смотреть на каждый шаг отдельно.

Он придвинул следующий бланк.

— Что вам снилось?

— Лестница, — ответили из окна прежде, чем посетитель успел сесть.

На третьем этаже снова прозвенел будильник. Кто-то проснулся под надзором, кто-то только открыл глаза по команде. Снизу разницы не было слышно.

Циркуляр о лестницах

К полудню лестницы закончились только на бумаге.

В коридоре они продолжались: приставные, винтовые, пожарные, каменные, верёвочные, с перилами и без, ведущие на крышу, в подвал, к закрытой двери и просто вверх. Посетители рассказывали о них с той осторожной подробностью, с какой повторяют чужой адрес. Регистраторы слушали, задавали разные вопросы и получали одинаковые ответы.

- Ступени были целы?
- Все до одной.
- Вы несли общественно значимый груз?
- Несла. Корзину.
- Что было в корзине?

Женщина у окна Льва задумалась.

- Не помню.
- Тогда значимость груза не установлена.
- Там были яблоки.
- Вы вспомнили?
- Вы помогли.

Лев вычеркнул груз, но оставил движение. Плюс две позиции вместо трёх. Женщина расписалась и ушла довольная: вчера ей приснился запертый лифт, за который сняли одну.

У Щербакова лестницы всегда имели поручни. Он вывел из нового циркуляра, что поручень обозначает доступность общего пути, и давал дополнительный балл. Евдокия Павловна прочитала приложение дважды и запретила.

- Поручень — средство безопасности, а не направление, — сказала она.
- Без него действие менее общественное.
- Зато более личное. Не умножайте полезность каждой гайкой.

У окна Клавдии Ильиничны заявители поднимались группами. Она спрашивала, видел ли человек кого-нибудь ниже себя. Если видел, записывала «опережение без оставления отстающих». Если не видел — «освоение свободного вертикального пространства». Оба кода давали плюс два, но второй не требовал свидетелей внутри сна.

- Откуда они все узнали? — спросил Щербаков.

Кулик принёс из коридора листок, отпечатанный фиолетовой копиркой. Вверху было написано: «Сегодня полезно видеть». Ниже — рисунок лестницы и пять советов: не называть этаж, помнить движение ног, не падать, не считать ступени, не говорить о возвращении вниз.

- Отберите, — велела Евдокия Павловна.
- У кого?
- У распространителя.
- Все говорят, нашли на подоконнике.
- Тогда отберите подоконник.

Кулик унёс листок, но через десять минут такой же лежал в уборной, ещё один — под стеклом стенда о запрете частного толкования, третий кто-то сложил самолётом и запустил с третьего этажа. Самолёт опустился в очередь. Люди прочитали его по кругу и вернули дежурному как найденную вещь.

Лев сравнил первые двадцать карточек. Слова различались, последовательность — нет: лестница, движение вверх, отсутствие конечного этажа, уверенность в правильном направлении. Циркуляр был подписан накануне в восемнадцать сорок. Районные бюро получили его утром. Но граждане подготовились ночью.

— Утечка, — сказал Щербаков с удовольствием человека, обнаружившего нарушение не у себя.

— Общественное оповещение, — возразила Клавдия Ильинична.

— Оповещения не было.

— Значит, общественное предчувствие.

Евдокия Павловна положила перед ними ведомость.

— Предчувствия в отдельную графу не входят. Входят принятые показания, возвраты и средний коэффициент. До конца смены два часа.

Средний коэффициент отдела уже поднялся на четыре десятых. Это было слишком хорошо, чтобы выглядеть случайностью, и слишком выгодно, чтобы останавливать приём. Центральное управление сравнивало районы: отдел с резким ростом могли похвалить за внедрение нового циркуляра или проверить за чрезмерное усердие. Разница определялась формулировкой сопроводительной записки.

Лев предложил выборочную проверку происхождения.

— Каким прибором? — спросила Евдокия Павловна.

— Вопросами. Пусть каждый третий опишет нижнюю ступень.

— Зачем нижнюю?

— В памятке её нет.

— А если люди начнут читать ваши вопросы?

— Тогда завтра у всех будет нижняя ступень.

— Завтра выйдет новое разъяснение.

Она разрешила проверять каждого пятого, не задерживая очередь больше чем на две минуты.

Первый проверяемый, школьный сторож, сказал, что нижняя ступень была мокрой. Второй увидел на ней номер своей квартиры. Третья заявительница вспомнила детскую варежку. Подробности были хороши именно потому, что ни на что не влияли. Лев записывал их в примечания, и карточки приобретали вид пережитого опыта.

Пятый оказался мальчиком лет семнадцати с будильником в деревянном футляре. Он назвался Семёном Рудым, учеником котельной мастерской. В его сне лестница стояла посреди двора.

— Нижняя ступень? — спросил Лев.

— Железная.

— Остальные?

— Тоже.

— На улице металл был холодным?

— Я в ботинках.

— Руками касались?

— Нет.

— Куда лестница опиралась?

— Никуда. Стояла.

— Самостоятельно?

— Во сне может.

Ответ был точным и бесполезным. Лев спросил, почему Семён начал подниматься.

— Потому что все поднимались.

— Кто все?

— Люди.

— Знакомые?

— Нет.

— Вы видели их лица?

- Видел спины.
- Значит, следовали за группой, а не выбирали направление.
- Семён посмотрел на памятку, которой у него не было.
- В циркуляре про выбор ничего не сказано.
- Вы читали циркуляр?
- Его утром на заводе зачитывали.
- Кем?
- Начальником смены.
- До вашего пробуждения или после?
- Мальчик понял ловушку и покраснел.
- Я ночевал в общежитии. Проснулся в пять. Смена в семь.
- Тогда откуда вы знали содержание циркуляра во сне?
- Не знал. Лестница сама приснилась.

Лев мог вернуть показание за вероятное наведение. Но циркуляр оценивал образ, а не его редкость; знание после пробуждения не доказывало знания во сне. Он присвоил плюс одну позицию: направленное движение сохранилось, самостоятельность выбора не подтверждена.

- А другим дают две, — сказал Семён.
- Другие отвечают за свои показания.
- Начальник сказал, кто принесёт лестницу, попадёт в бригаду ремонта верхних труб.

Вот почему завод зачитывал циркуляр. Бригада получала усиленное питание и надбавку за высоту. Индекс был не наградой после сна, а пропуском к работе, ради которой следовало заранее увидеть нужный сон.

- Фамилия начальника?
- Я не жалуюсь.
- Я не спрашиваю о жалобе.
- Тогда не скажу.

Семён забрал карточку. У двери он обернулся.

- Если лестница всем нужна, почему на ней нельзя идти за другими?
- Можно. Но общественная полезность не отменяет личного действия.
- А если первый уже всё придумал?

Лев вызвал следующего.

К часу регистраторы начали спорить не о правде показаний, а о качестве обработки. Щербаков принял тридцать одну лестницу со средним плюсом два и две десятых. Клавдия Ильинична — двадцать семь, зато ни одного возврата. У Льва было двадцать девять и средний плюс один и восемь: выборочная проверка снижала результат.

— Центральное любит внедрение, — напомнил Щербаков. — Вы зря осторожничаете перед собеседованием.

- Центральное любит управляемое внедрение.
- Это когда цифры растут медленно?
- Это когда они объяснимы.

Лев составил сопроводительную записку: «Рост положительной динамики обусловлен своевременным применением уточняющих критериев. Однотипность ведущего образа компенсируется индивидуализацией обстоятельств движения». Формулировка превращала подсажку в доказательство хорошей работы регистраторов.

Евдокия Павловна прочла и заменила «компенсируется» на «уточняется».

- Компенсируют недостаток, — сказала она. — У нас недостатка нет.
- Тогда зачем проверка каждого пятого?
- Чтобы подтвердить отсутствие недостатка.

На обед они не закрылись. Кулик раздал сотрудникам бутерброды, а посетителям объяснил, что непрерывный приём введён ради сокращения очереди. Очередь восприняла это как знак срочности и стала прибывать быстрее.

В два пришёл представитель Центрального управления. Низкий человек в сером костюме представился инспектором Лобановым и не показал удостоверения, потому что все узнали печать на его портфеле. Он прошёл за окна, посмотрел ведомость и попросил дать ему любое лестничное дело.

Щербаков протянул лучшее — женщина несла вверх ящик с книгами для вечерней школы. Лобанов вернул.

— Слишком полное.

Клавдия Ильинична дала сон о людях, поднимающихся к свету. Инспектор поморщился.

— Свет пока не уточнён. Может быть пожар.

Лев протянул карточку Семёна Рудого.

Лобанов прочёл ответы, задержался на заводском объявлении и спросил:

— Почему не возврат?

— Циркуляр не требует уникальности образа и запрещает связывать позднейшее ознакомление с содержанием сна без прямого признания. Движение было. Я снизил коэффициент за следование группе.

— Разумно. А почему вообще снизили? Следование — тоже направленное усилие.

— Тогда личное действие не отличалось бы от нахождения на движущейся лестнице.

— Движущиеся лестницы в приложении не перечислены.

— У нас их нет.

— Поэтому и не перечислены.

Лобанов положил карточку на стол.

— Министерство не устанавливает, кому что сниться. Оно своевременно распознаёт общественно полезные формы. Если граждане способны быстро усвоить форму, это не порок системы, а зрелость населения.

Щербаков записал фразу на промокательной бумаге.

— А одинаковость? — спросил Лев.

— Железнодорожные билеты тоже одинаковы, но люди едут по ним в разные места.

— Здесь место не обязательно.

Инспектор улыбнулся.

— Поэтому циркуляр и современный.

Он попросил показать Бюро целиком. Евдокия Павловна повела его по первому этажу, потом к архиву, но лестницу на третий прошла мимо.

— Отделение повторного допуска? — напомнил Лев.

— В отчётном маршруте его нет, — сказала она.

Лобанов услышал.

— Почему?

— Там граждане, временно не подтвердившие сон. Они не относятся к результатам внедрения.

— Бодрствование тоже результат.

Пришлось подняться. На третьем этаже семь человек лежали под одеялами, двое сидели, один ходил между кроватями, стараясь устать. Инспектор посмотрел на них с интересом счетовода, обнаружившего забытый столбец.

— Сколько справок выдали сегодня?

— Девять белых, четыре зелёных, — ответила дежурная.

— А лестницы?

— Во втором сне — у троих. Один не заснул, но после звонка сказал, что видел ступени до того, как пришёл.

— Приняли?

— Первое содержание не подтверждалось.

Лобанов велел добавить к недельному отчёту долю образов, воспроизведённых при повторном допуске.

— Это покажет устойчивость циркуляра, — сказал он.

— Или устойчивость подсказки, — заметил Лев.

Инспектор повернулся к нему.

— Нечаев? Я читал вашу характеристику. Вы умеете видеть процедурные границы. Это полезно, если не путать границу с препятствием.

Евдокия Павловна вмешалась:

— Лев Матвеевич проверяет решение на возвратность.

— Возвратность — свойство бумаги, — сказал Лобанов. — Решения должны двигаться вверх.

На лестнице вниз он держался за поручень обеими руками.

После визита средний коэффициент разрешили не ограничивать. Щербаков вернул балл за поручни, сославшись на устное разъяснение инспектора о зрелости населения. Клавдия Ильинична стала считать группы общественным движением. Евдокия Павловна не возражала, только потребовала отдельно отмечать переносимый груз.

Лев изменил свою схему. Он больше не спрашивал нижнюю ступень. Вместо этого просил назвать действие, совершённое после подъёма. Если человек открывал дверь, передавал предмет или уступал дорогу, движение получало цель. Если просыпался на лестнице — оставалось процессом. За час его средний коэффициент вырос до двух и одной десятой, а карточки выглядели разнообразнее щербаковских.

Одна старуха поднялась во сне на крышу, чтобы снять бельё перед дождём. Рабочий нёс наверх гаечный ключ. Учительница остановилась между этажами и пропустила вниз детей, после чего продолжила путь. Лев не знал, снилось ли им это ночью. Он знал, что каждый рассказ теперь имел причинность и потому выдержит комиссию.

К четырём часам лестницы стали сложнее. Люди почувствовали, какие вопросы задают у каждого окна. В очереди шептали: у Щербакова нужны перила, у Клавдии — спутники, у Нечаева — дело наверху. Бюро не распространяло подсказки; оно только создавало спрос на разные версии.

— Это рынок, — сказал Кулик, собирая с пола фиолетовые листки.

— Рынок предполагает товар, — ответил Лев.

— А это что?

Кулик показал на очередь.

— Показания.

— Значит, товар — очередь.

Лев хотел возразить, но к его окну подошёл мастер насосного завода. На груди у него висел жетон той же смены, где работал Глеб Сафронов.

Мастер видел железную лестницу к верхним трубам. Наверху стояла бригада без одного человека. Он поднялся, занял пустое место и закрутил вентиль.

— Кто был внизу? — спросил Лев.

— Рабочие.

— Сафронов?

Мастер медленно поднял глаза.

— Какой Сафронов?

— Глеб Матвеевич. Ночная смена.

- Его сегодня сняли с ведомственной регистрации. В общежитие переселяют.
- Я спрашивал о сне.
- Во сне фамилий не было.
- Почему в бригаде не хватало человека?
- Штатное место.
- Освободившееся?
- Вы сны принимаете или кадры проверяете?

Лев записал «восполнение производственного состава». Образ давал мастеру плюс три. Возможно, должность Глеба ещё не освободили. Возможно, лестница приснилась после разговора о сокращении. Для классификации это не имело значения: общественный результат был сформулирован безупречно.

- Хороший сон, — сказал мастер, забирая карточку.
 - Полезный.
 - А хорошие у вас другие бывают?
 - Бывают не подлежащие оценке.
- Мастер усмехнулся и ушёл.

Ведомость дня стала лучшей за полугодие. Евдокия Павловна прикрепила к ней записку Льва и велела всем подписать ознакомление с циркуляром задним числом — до начала смены.

- Мы получили его после открытия, — сказал Щербаков.
- Получили в семь ноль пять. Открылись по ведомственным в семь десять.
- А посетителей пустили по городским в семь.
- Посетители не знакомятся с внутренними документами.

Лев подписал время семь ноль семь. Он действительно мог прочесть циркуляр тогда, если бы не ходил на третий этаж проверять запись Веры. Две минуты разницы ничего не меняли, кроме порядка событий, а порядок событий был основой любого чистого дела.

Когда наружную дверь закрыли, в стекло постучали. Кулик показал, что приём окончен. Женщина за дверью подняла белую справку, затем паспорт. Это была Вера.

- Она не по очереди, — сказал Щербаков.
- На завтра, — ответил Лев.

Вера продолжала стоять. Рядом с ней появился высокий сухой старик в форменной фуражке старого водоканала. Павел Сергеевич Берест держал plombированный будильник и сложенный бланк свидетеля.

Лев почувствовал не тревогу, а раздражение. Он велел не приходить к Бюро и не называть его. Вера выполнила только второе — пока.

- Евдокия Павловна подошла к стеклу.
- Родственница?
- Отвод зарегистрирован, — сказал Лев.
- Это я помню. Зачем она здесь после приёма?

Кулик приоткрыл дверь на цепочке. Берест просунул бланк в щель.

— Предварительная проверка свидетеля на завтрашнее показание, — сказал он. — Чтобы утром не гоняли старого человека.

- Проверка проводится при подаче, — ответила Евдокия Павловна.
- Тогда отметьте, что я явился сегодня добровольно.
- Добровольность не переносится на завтра.

Берест вынул из кармана очки и стал читать собственный бланк через щель. В графе времени пробуждения уже стояло: шесть ноль пять следующего дня. Будущий факт был записан аккуратным почерком, подпись оставалась пустой.

- Вы заполнили документ заранее, — сказала Евдокия Павловна.
- Чтобы утром только подтвердить.

— Нельзя подтвердить будущее время.

— Поэтому не подписал.

Формально старик был прав. Бланк без подписи считался заготовкой, как чистая квитанция. Но время на нём превращало заготовку в намерение.

Вера смотрела через стекло прямо на Льва. В сумке у неё лежал, вероятно, рассказ о комнате, пустом ранце или лестнице — теперь лестница была безопаснее всего. Если завтра Берест подпишет время, происхождение показания будет независимым только на бумаге. Сегодняшнее появление связывало свидетеля, заявительницу и Бюро до сна.

— Пусть выбросит бланк и возьмёт новый утром, — тихо сказал Лев Кулику.

— Скажите сами.

— У меня отвод.

Кулик передал распоряжение. Берест пожал плечами, разорвал лист пополам и отдал обе половины Вере. Она не выбросила их, а убрала в сумку.

— Завтра в общий стол, — сказала Евдокия Павловна. — По распределению. Нечаев не участвует.

— Он уже не участвует, — ответила Вера из-за двери. — Он только знает, что будет.

Цепочка звякнула, дверь закрылась. Берест и Вера ушли. Через стекло было видно, как старик что-то считает на пальцах, а Вера достаёт кошелёк.

— Вы дали ей его фамилию? — спросила Евдокия Павловна.

— Я заявил отвод.

— Это ответ для комиссии.

— Другого ответа в реестре нет.

Она посмотрела на него дольше обычного, затем забрала ведомость.

На столе остался один фиолетовый листок: лестница, пять советов, ни слова о том, откуда они взялись. Лев перевернул его. На обороте проступал предыдущий текст копирки — перечень платных свидетелей по районам. Фамилии читались плохо, но «Берест» была видна целиком, рядом стояла цифра семь.

Лев сложил листок и убрал во внутренний карман портфеля, туда, где вчера лежала рекомендация. Теперь два документа касались его будущего. Один подтверждал, что Центральное готово его принять. Второй показывал, сколько стоит человек, готовый подтвердить чужое пробуждение.

Ни на одном не было подписи Веры.

Свидетель пробуждения

В шесть двадцать две Вера позвонила не в дверь, а в батарею.

Так они делали в детстве, когда мать запирала комнату и уходила в ночную смену: три коротких удара означали, что один из них проснулся, два длинных — что случилось что-то настоящее. Теперь у каждого была своя квартира, батареи относились к разным домам, и условный стук не мог пройти по трубам. Но Вера всё равно позвонила Льву и, когда он снял трубку, трижды ударила ложкой по чугуну.

— Он не пришёл, — сказала она.

— Кто?

— Свидетель, которого ты мне не называл.

Лев посмотрел на часы. До конца двухчасового срока оставалось сорок три минуты. Вера проснулась в пять пятьдесят семь: это время показывал её будильник с синей пломбой. Если бы Берест пришёл к обещанным шести, он мог подтвердить и звонок, и первые слова. В шесть двадцать две он уже не подтверждал пробуждение — только то, что Вера бодрствовала спустя двадцать пять минут.

— Может, опаздывает.

— За семь единиц люди не опаздывают. Они либо приходят, либо дорожают.

— Ты заплатила вчера?

Вера помолчала.

— Половину.

— Я видел.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы это сказала ты.

— Даже дома принимаешь показания?

Лев не ответил. Из кухни доносилось дребезжание неплотно закрытого крана. Он собирался вызвать слесаря после собеседования в Центральном: человек, которого переводили наверх, не должен был оставлять внизу неисправность без акта. Теперь вода отсчитывала секунды лучше часов.

— Что тебе снилось? — спросил он.

— Приходи.

— Содержание можно записать в Бюро.

— Тогда я расскажу его Клавдии. А ты получишь чистую рекомендацию и грязную сестру.

Линия щёлкнула. Лев надел рубашку, не застегнув верхнюю пуговицу, сунул в портфель рекомендацию и фиолетовый листок с преysкурантом. На лестничной площадке он встретил соседку, которая выносила мусор.

— Рано на службу, Лев Матвеевич.

— Семейное обстоятельство.

— Хорошее?

— Ещё не классифицировано.

До Веры было двенадцать минут быстрым шагом. Лев прошёл их за девять, срезая через двор хлебозавода. В окнах общежития горел свет: люди готовились доказывать, что ночью их внутренняя жизнь принесла городу пользу. У проходной висело свежее объявление: обладателям индекса ниже сорока восьми хлеб по ведомственной цене не отпускался. Под объявлением кто-то карандашом написал: «Во сне не едят». Дежурный уже стирал надпись мокрой тряпкой.

Дом Веры стоял за трамвайным кольцом. Третий подъезд, второй этаж, комната в квартире, разделённой фанерными перегородками на четыре самостоятельные жилые единицы. В

коридоре пахло керосином, капустой и зубным порошком. Дверь открыла Анфиса Сергеевна — соседка, чьё имя Лев велел назвать вместо своего.

— Наконец-то родственник, — сказала она. — А то я сегодня то соседка, то постороннее лицо, то не предусмотрена формой.

На ней был халат поверх пальто. В одной руке она держала авоську, в другой — белый бланк.

— Вы видели пробуждение? — спросил Лев.

— Я видела, как Вера в шесть десять стучала ко мне и спрашивала, не приходил ли водоканальщик. До этого я спала.

— Значит, не видели.

— Она была проснувшаяся.

— Это другое.

— Для вас всё другое, пока графы разные.

Анфиса протянула бланк. В графе свидетеля стояло её имя, но место времени было пустым.

— Я подпишу, что видела её в шесть десять. Она не хочет.

— Потому что пробуждение было в пять пятьдесят семь.

— Тринадцать минут. За тринадцать минут человек не успеет заново прожить жизнь.

— Успеет потерять происхождение показания.

— Вот его я и не видела.

Вера сидела в своей комнате на узкой кровати. Перед ней на табурете лежали две половины вчерашнего бланка Береста, будильник и детская тетрадь в клетку. Стрелки будильника показывали пять пятьдесят семь. Звонок был остановлен, пломба цела.

— Почему не несёшь в Бюро? — спросил Лев.

— Потому что без свидетеля мне скажут, что я переставила стрелки.

— Пломба подтверждает ход.

— Пломба подтверждает, что её поставили. Ты сам это объяснил Колодину.

Она не могла знать фамилии чиновника из первой главы. Лев понял, что Бюро стало рассказывать о нём быстрее, чем он о Бюро.

— Кто сказал?

— В очереди всё знают. Про семь восемьдесят тоже.

— Семь восемьдесят не существует.

— Поэтому его особенно легко запомнить.

Лев взял одну половину бланка. Берест разорвал лист вдоль; время осталось у Веры, фамилия свидетеля — на другой части. Если совместить края, получался почти целый документ. Не хватало только подписи и факта.

— Рассказывай сон.

Вера посмотрела на Анфису. Та вышла в коридор, но дверь оставила открытой на ладонь.

— Наша комната, — начала Вера. — Та, старая. Только за дверью была лестница.

— Вверх?

— Не знаю. Она шла туда, где раньше был коридор. Ступени были из наших вещей: табурет, чемодан, ящик с тетрадями, мамина швейная машинка. Я поднималась и несла пустой ранец. На каждой площадке стоял человек и спрашивал, кому принадлежит следующая ступень. Я отвечала: нам. Он говорил: тогда предъявите комнату.

— Ты видела лица?

— У всех было твоё.

Лев положил половину бланка.

— Это осложняет классификацию.

— Тебя беспокоит классификация?

— Повтор семейной комнаты даст минус. Лестница даст плюс, если есть действие после подъёма.

— В конце я дошла до двери.

— Открыла?

— Нет. За ней звонил будильник. Я боялась открыть, потому что тогда комната окажется не нашей.

— Значит, направленное движение без результата. При устойчивом отрицательном образе могут поставить повтор.

— А если соврать, что открыла?

— Тогда изменится содержание.

— Какая тонкая у тебя граница.

Лев подошёл к окну. Во дворе дворник поднимал красный флажок перед проездом мусорной телеги. На противоположном балконе мужчина в майке заводил будильники для всей семьи: три одинаковых прибора, три пломбы разных цветов. Свидетельство начиналось не в момент пробуждения, а накануне, когда люди договаривались, кто будет рядом.

— Берест мог не прийти нарочно, — сказал Лев.

— Чтобы получить вторую половину?

— Чтобы мы согласились на его условия. У него индекс шестьдесят восемь. Он продаёт не присутствие, а доказательную силу.

— Ты дал мне его фамилию.

— Я дал путь.

— Путь привёл сюда.

В дверь постучали дважды. Анфиса выглянула на площадку и вернулась одна.

— Мальчишка принёс записку.

На серой бумаге было написано: «Свидетель задержан проверкой. За выезд после шести — ещё пять. Оплату передать посыльному. П. Б.»

Мальчишка ждал у лестницы, прижимая к груди кепку. Лет двенадцати, худой, с красным следом от подушки на щеке.

— Где Берест? — спросил Лев.

— На Садовой.

— У кого?

— Не велено говорить.

— Когда передал записку?

— Сейчас.

— Когда написал?

— Не при мне.

— Ты его видел сегодня?

Мальчик переступил босыми ногами в больших ботинках.

— Пять единиц, — напомнил он.

Лев достал из портфеля фиолетовый листок. Возле фамилии Береста стояла семёрка. Ни выезда, ни опоздания, ни посыльного прейскурант не предусматривал. Но на обороте уже был новый циркуляр, и спорить с ценой на такой бумаге означало признать бумагу настоящей.

— Кто ещё на Садовой? — спросил Лев.

— Очередь.

— За свидетелями?

— За пробуждениями.

Лев дал мальчику две единицы.

— Это не пять.

— Это за адрес. Остальное получишь, если Берест придёт до половины седьмого.

— Уже двадцать семь.

— Тогда до тридцати пяти.

Мальчик спрятал деньги в ботинок и побежал вниз. Анфиса покачала головой.

— Покупаете ребёнка и торгуетесь.

— Я покупаю скорость.

— Так всегда говорят люди, у которых уже есть власть.

Вера сложила тетрадь в сумку.

— Я пойду в Бюро без него.

— Тебе нужен свидетель.

— Мне нужен сон, который вы примете.

— Без происхождения содержание ничего не стоит.

— Вчера ты говорил наоборот.

Вчера он действительно сказал Бересту выбросить заготовку, потому что будущее время превращало намерение в происхождение. Сегодня отсутствие старика превращало настоящее время в неподтверждённое содержание. Система не противоречила себе: она просто требовала обе половины одновременно и никогда не обещала, что они встретятся.

В шесть тридцать четыре внизу хлопнула дверь. По лестнице поднялся не Берест, а участковый контролёр пробуждений в серой шинели. За ним шёл тот самый мальчик.

— Здесь производится платное свидетельствование? — спросил контролёр.

— Здесь производится опоздание, — ответила Анфиса.

Контролёр раскрыл журнал.

— Гражданка Нечаева?

Вера вышла в коридор.

— Поступило сообщение о намерении зарегистрировать сон с заранее подготовленным свидетелем.

— От кого?

— Источник сообщения регистрации не подлежит.

— Тогда сообщение тоже сон, — сказала Анфиса. — Запишите полезность.

Контролёр не улыбнулся. Он осмотрел будильник, сверил пломбу и попросил показать бланки. Вера отдала половины. Он совместил их на подоконнике.

— Почему документ разорван?

— Потому что будущее ещё не наступило, — сказала Вера.

— Кто заполнил время?

— Свидетель.

— Где он?

— В вашем вопросе.

Лев предъявил служебное удостоверение. Контролёр прочёл фамилию, затем заметил красную отметку отвода.

— Родственник не вправе участвовать.

— Я нахожусь в жилом помещении как брат.

— Тогда не задавайте процедурных вопросов.

— Я ещё не задал ни одного.

— Вы так ответили, что они подразумеваются.

Контролёр записал в журнале: «Служебное вмешательство не установлено вследствие заявленного семейного присутствия». Формулировка была опаснее обвинения: её можно было прочитать как оправдание или как заготовку.

— Показание примут? — спросила Вера.

— Решает регистратор. Я отмечу расхождение происхождения и предварительное соглашение со свидетелем. До выяснения индекс замораживается.

- У меня сегодня распределение зимних заказов.
- Заморозка сохраняет текущий показатель.
- Текущий ниже рабочего минимума.
- Значит, он надёжно сохранится.

Контролёр забрал половины бланка в прозрачный пакет. В этот момент на площадке появился Берест. Он поднялся без одышки, хотя жил через пять кварталов, и держал в руке новый чистый бланк.

- Вот и свидетель, — сказала Анфиса.
- Свидетель чего? — спросил контролёр.

Берест оценил коридор: Веру с будильником, Льва с удостоверением, пакет с разорванным листом и мальчика у перил.

- Того, что меня вызвали на проверку, — ответил он.
- Вы присутствовали при пробуждении гражданки Нечаевой?
- Я присутствовал при договорённости присутствовать.
- Это не одно и то же.
- Поэтому разные цены.

Контролёр потребовал его документы. Берест подал паспорт и карточку индекса. Шестьдесят восемь. Высокий показатель делал его слова весомее, но преискуронт в портфеле Льва превращал вес в стоимость.

- В пять пятьдесят семь вы где находились?
- На Садовой, дом девять.
- Подтверждали другое пробуждение?
- Ожидал подтверждения собственного присутствия.
- У кого?
- Клиентская тайна.
- Свидетель не оказывает услуги.
- Тогда тайна соседская.

Контролёр отметил что-то в журнале и ушёл, забрав разорванный бланк. Мальчик последовал за ним, но у лестницы обернулся к Льву и показал два пальца: долг. Берест протянул ладонь Вере.

- За ложный вызов остаток не возвращается.
 - Вы сами не пришли, — сказала она.
 - Меня задержали.
 - Кто?
 - Более раннее утро.
- Лев закрыл дверь комнаты.
- На Садовой у вас была запись до Веры?
 - У меня нигде нет записей. Я соседствую по необходимости.
 - Вы продали один час двум людям.
 - Час принадлежит городу. Я продаю согласие его помнить.

Берест сел на табурет и снял фуражку. На лбу осталась ровная белая полоса.

— У вашей сестры плохая привычка платить вперёд, — сказал он. — У вас хорошая привычка понимать поздно.

- Подпишите, что пришли в пять пятьдесят семь.

Вера подняла голову.

— Лев.

— Он должен был быть здесь. Было соглашение, аванс, заполненный бланк. Его отсутствие возникло из нарушения с его стороны.

- Отсутствие возникает без сторон, — сказал Берест. — Для него достаточно не прийти.

— Вы подтвердите не содержание сна. Только происхождение показания.

— То есть совру о меньшем.

— О проверяемом.

Берест усмехнулся.

— Раньше вы торговали непроверяемым и считали себя чистым. Теперь хотите купить проверяемое и называете его меньшим.

Лев вынул фиолетовый листок и положил фамилией вверх.

— Семь единиц. Вы получили три с половиной. Подпись — условие полной оплаты.

— Это цена присутствия, а не подписи.

— Присутствие не оказано.

— Поэтому подпись стоит дороже.

— Сколько?

— Теперь двенадцать.

Вера встала.

— Ничего ему не давай.

— У тебя через час распределение.

— Уже меньше.

— Тем более.

— Я не хочу заказ, купленный таким способом.

— Ты хотела свидетеля.

— Хотела, чтобы человек пришёл утром. Не чтобы ты переносил его по бумаге.

Лев открыл её тетрадь. На первой странице был рисунок комнаты: кровать, стол, швейная машинка. Над дверью начиналась лестница, составленная из прямоугольников с подписями: «табурет», «чемодан», «тетради», «ранец». Детский рисунок был сделан взрослой рукой, слишком ровно и потому страшнее настоящего детского.

— Если показание примут без свидетеля, контролёр отметит предварительный стговор. Индекс заморозят, затем комиссия. Если не подашь — автоматический пропуск после белой справки. Три отметки бодрствования. Ты знаешь, что дальше.

— Знаю. Поэтому не хочу, чтобы ты делал вид, будто выбираешь за меня.

Лев достал двенадцать единиц. Положил семь перед Берестом, пять оставил в руке.

— Подписываете время пять пятьдесят семь. В примечании: «прибыл до первого связного рассказа». Это соответствует намерению договора.

— Я не прибыл.

— Вы были вызваны до рассказа.

— Вызов не человек.

— В реестре происхождения показания цепочка начинается с доступности свидетеля. Вы были доступны по соглашению.

Берест посмотрел на деньги, но не взял.

— Вы мне сейчас не платите. Вы мне объясняете, почему подпись уже существует.

— Именно.

— Тогда зачем деньги?

— Чтобы объяснение не пришлось повторять комиссии.

Анфиса за дверью громко поставила ведро на пол. Вера закрыла тетрадь.

— Я согласна, — сказала она. — Но сон расскажу как был. Дверь не открывала. Наверху ничего полезного не сделала.

— Содержание не меняем, — ответил Лев.

Он произнёс это с облегчением и услышал, как оно звучит: будто сохранённая часть лжи делала остальное допустимым.

Берест взял чистый бланк. Вписал имя Веры, адрес, номер пломбы. В графе «время установления бодрствования» остановился.

— Пять пятьдесят семь я не поставлю.

— Тогда шесть ноль пять, как вчера.

— Она проснулась раньше.

— Прибор подтверждает пять пятьдесят семь. Свидетель подтверждает, что не позднее шести ноль пяти был установлен первый связный рассказ. Восемь минут укладываются в бытовое наблюдение.

— Меня не было и в шесть ноль пять.

— Но это время вы выбрали до события. Значит, оно доказывает независимость от сегодняшнего содержания.

Берест долго смотрел на Льва, потом написал: «6:05». Ниже добавил: «Содержание сна до установления времени мне не сообщалось». Поставил подпись.

Лев почувствовал, что сделал нечто хуже обычной подделки и лучше обычной лжи: создал документ, в котором каждое отдельное утверждение можно было защитить, а их соединение было ложным.

— Прибытие? — спросил Берест.

— Не указывайте.

— Тогда контролёр сопоставит адрес.

— Он уже зафиксировал ваше фактическое прибытие. Этот бланк подтверждает не присутствие в комнате, а установление бодрствования.

— На расстоянии?

Лев посмотрел на телефон.

— Вы получили вызов через посыльного. Посыльный видел Веру после пробуждения. Вы приняли сообщение до первого зарегистрированного рассказа.

— Мальчик пришёл ко мне после шести двадцати.

— Но не знает, когда получил поручение.

— Знает.

— За две единицы он помнит адрес. За пять — время прихода. За семь, вероятно, забудет оба.

Берест впервые перестал улыбаться.

— Хороший регистратор, — сказал он. — Плохой свидетель.

— Я не свидетель.

— Уже да.

Он забрал двенадцать единиц, оставил бланк и ушёл. На лестнице его догнала Анфиса.

— А меня сколько стоит не видеть? — спросила она.

— Бесплатно, — ответил Берест. — Поэтому этим все пользуются.

До Бюро они дошли за одиннадцать минут. Вера шла впереди, Лев — в двадцати шагах, соблюдая отвод хотя бы на улице. У входа стояла очередь на распределение зимних заказов. Женщины держали карточки индекса, будто хлебные талоны. Представитель артели отмечал фамилии с показателем от пятидесяти пяти. У Веры было пятьдесят четыре.

— Сначала показание, — сказал Лев.

— Сначала работа, — ответила она.

— Без нового расчёта тебя не включают.

— С новым могут тоже.

Она заняла очередь в общий стол. Лев вошёл через служебную дверь и нашёл Кулика.

— Распределение показаний на сегодня?

— Щербаков принимает нечётные, Клавдия чётные. Ваши после отвода идут Клавдии.

— Поменяй талон.

- На кого?
- На Щербакова.
- Зачем?

Клавдия Ильинична знала Веру в лицо и помнила её комнату. Она увидела бы повтор. Щербаков после вчерашнего циркуляра искал лестницы и поручни; семейная комната могла стать для него только исходной площадкой.

- Равномерность нагрузки, — сказал Лев.
- У них по восемь.
- Тогда неравномерность компетенции.

Кулик вытащил из барабана два деревянных жетона и поменял местами номера. Это было мелкое нарушение, настолько привычное, что не имело собственного бланка.

Вера попала к Щербакову в семь сорок одну. Лев сидел за своим окном без посетителей: Евдокия Павловна не допустила его к приёму до письменного объяснения по утренней проверке. Он слышал разговор через две перегородки.

- Направление лестницы? — спросил Щербаков.
- От комнаты к двери.
- Вверх или вниз?
- Ступени были, значит, вверх.
- Неверно. Ступени бывают вниз.
- Я поднималась.
- Хорошо. Поручни?
- Нет.
- Переносили общественно полезный предмет?
- Пустой школьный ранец.
- Пустота не является предметом.
- Ранец является.
- Кому он предназначался?
- Брату.

Щербаков заглянул в паспорт, потом поверх перегородки — на Льва.

- Родственник сотрудника?
 - Отвод зарегистрирован, — одновременно сказали Лев и Вера.
- В зале засмеялись. Щербаков покраснел и вернулся к карточке.
- Что вы сделали после подъёма?
 - Ничего. Перед дверью звонил будильник.
 - Дверь открыли?
 - Нет.

- Тогда движение не завершено.
- В циркуляре не требуется завершение.
- Требуется направленность.
- Я дошла до двери.

- Но не установили, куда она ведёт.
- Если установить всё, это будет уже не сон.

Щербаков провёл пальцем по бланку свидетеля.

- Павел Сергеевич установил бодрствование в шесть ноль пять. Каким образом?
- По первым словам.
- Он находился в комнате?

Вера посмотрела на Льва. Это был момент, который он подготовил формулировками, деньгами и перестановкой жетонов, но не мог пройти вместо неё.

- Он находился при пробуждении, — сказала она.

— Я спрашиваю о помещении.

— В бланке нет графы помещения.

Щербаков поднялся и понёс документы Евдокии Павловне. Она прочла их стоя, затем подозвала Кулика и велела принести журнал утреннего контролёра. Лев увидел, как две бумаги встретились: в одной Берест устанавливал бодрствование в шесть ноль пять, в другой прибывал к Вере в шесть тридцать четыре.

— Нечаев, — сказала Евдокия Павловна.

Он подошёл, хотя формально не участвовал.

— Объясните расхождение.

— Я родственник заявительницы.

— Сейчас вы сотрудник, временно отстранённый от окна.

— Свидетель подтверждает время установления бодрствования, а контролёр — время физического прибытия по адресу. Эти факты не обязаны совпадать.

— Как он установил бодрствование до прибытия?

— Через посыльного.

— В бланке нет посыльного.

— В бланке нет и запрета на него.

— Потому что свидетель должен свидетельствовать лично.

— Где это написано?

Евдокия Павловна открыла правила. Слово «лично» относилось к подписи, предъявлению документов и ответственности. Способ установления бодрствования описывался как «непосредственное наблюдение признаков». Посыльный наблюдал Веру непосредственно; Берест непосредственно получил его сообщение. Между двумя непосредственностями образовался промежуток, достаточно узкий для формальной трактовки и достаточно широкий для неправды.

— Это передоверие свидетельства, — сказала Евдокия Павловна.

— Передоверие запрещено при подаче подписи. Подпись поставил Берест.

— Мальчик не указан.

— Он не свидетель. Он средство связи.

Щербаков тихо спросил:

— Телефон тоже может быть свидетелем?

— Телефон не наблюдает признаков, — ответил Лев.

— А мальчик наблюдал?

— Он видел заявительницу бодрствующей.

— После шести двадцати, — сказала Вера.

В зале стало тихо. Она могла промолчать. Лев купил происхождение её показания, но не её согласие поддерживать каждую деталь.

Евдокия Павловна перечеркнула карандашом время на полях, не касаясь самого бланка.

— Тогда шесть ноль пять не подтверждено.

— Оно было определено заранее, — сказал Лев. — Вчерашняя заготовка изъята контролёром. Берест независимо назначил это время до рассказа Веры. Совпадение с остановленным будильником подтверждает отсутствие подгонки под содержание.

— Вы сейчас предлагаете считать заранее написанное будущее время более надёжным, чем опоздавшего свидетеля?

— Я предлагаю разделить факт пробуждения, первые слова и содержание сна. Прибор даёт пять пятьдесят семь. Свидетель до получения содержания закрепил шесть ноль пять. Рассказ подан в срок. Происхождение не зависит от толкования.

— А от вас зависит?

Лев увидел фиолетовый край листка в своём портфеле. Рекомендация лежала рядом. Если он отступит, Вера потеряет заказы; если продолжит, Евдокия Павловна получит готовое дело для комиссии. Он выбрал третье, как привык: формулировку, в которой выбор выглядел обязанностью.

— Я заявляю дополнительный отвод от проверки происхождения. Решение примите вы. Евдокия Павловна закрыла правила.

— Принимаю показание с отметкой «условное происхождение до проверки». Индекс пересчитать временно. Свидетельство Береста направить в отдел надзора. Нечаеву — письменное объяснение к девяти.

Щербаков вернулся к окну. Он дал лестнице плюс одну за направленное движение, снял одну за повтор семейного помещения и добавил две за перенос школьной принадлежности к лицу учебного возраста. Получился плюс два. Индекс Веры поднялся с пятидесяти четырёх до пятидесяти шести.

— Дверь всё-таки следовало открыть, — сказал он, выдавая карточку.

— Тогда за ней могло оказаться ваше окно, — ответила Вера.

В семь пятьдесят восемь она подошла к столу распределения. Представитель артели проверил индекс, поставил печать и дал ей восемь заказов на детские пальто. Не десять, как прошлой зимой, но достаточно, чтобы сохранить место до следующего месяца.

Вера сложила квитанции в сумку рядом с тетрадью.

— Ты получил, что хотел, — сказал Лев.

— Я получила работу.

— Это одно и то же.

— Нет. Ты хотел, чтобы бумага доказала твою правоту.

— Бумага доказала твоё право.

— До проверки.

Она ушла, не попрощавшись. Лев вернулся к столу писать объяснение. На чистом листе он вывел: «Вмешательства в содержание показания не производил». Это было правдой. Далее: «Содействовал разграничению времени пробуждения и времени регистрации первых слов». Это тоже можно было защитить. Третья строка далась труднее: «Происхождение свидетельства установлено независимо от заинтересованных лиц».

Он зачеркнул «независимо» и написал «до толкования».

Евдокия Павловна прочла объяснение.

— Вы понимаете, что сделали?

— Обеспечил непрерывность доказательственной цепочки.

— Вы вставили в неё человека, которого там не было.

— Я не менял сон.

— Сон никого здесь не интересует, Нечаев. Он и так непроверяем. Вы подделали единственное, что мы умеем проверять.

Лев посмотрел на свои руки. На большом пальце остался фиолетовый след копирки.

— Показание принято?

— Принято.

— Значит, процедура допускает такую трактовку.

— Процедура допускает многое до первой жалобы.

Она положила перед ним серый конверт с печатью Центрального управления.

— Приглашение перенесли с вторника на сегодня. Инспектор Лобанов ждёт вас в одиннадцать. Видимо, вчерашние лестницы произвели впечатление.

— А утреннее объяснение?

— Ещё не успело.

Лев вскрыл конверт. Центральное приглашало его ознакомиться с комнатой образцового сна и обсудить методическое усиление районных бюро. Внизу стояла подпись Тамары Крайней.

На обороте конверта проступил круглый след чужой чашки. Кто-то уже использовал его как подставку, прежде чем документ стал важным.

— Мне продолжать приём? — спросил Лев.

— Нет. До возвращения вы не регистратор.

— А после?

Евдокия Павловна посмотрела в журнал, где рядом стояли два времени Береста.

— После будет зависеть от того, какое из них Центральное сочтёт настоящим.

Лев убрал приглашение в портфель. Рекомендация, прейскурант и вызов легли друг на друга. Три бумаги описывали одного человека по-разному: достойного повышения, покупателя свидетеля и специалиста, которого ждала заместитель министра.

В коридоре мальчик-посыльный поймал его за рукав.

— Вы ещё три должны.

— Ты привёл контролёра.

— Он сам шёл. Я только показал квартиру.

— Значит, продал адрес дважды.

— Вы же купили время дважды.

Лев отдал ему три единицы. Мальчик пересчитал монеты и спросил:

— А если мне приснится, что я всё вернул, это будет считаться?

— Кому вернул?

— Вам.

— Тогда это частный образ без общественной пользы.

— А если в кассу?

— Тогда потребуется квитанция.

Мальчик засмеялся и убежал. Лев остался у лестницы. На стене ещё висела фиолетовая памятка: не называть этаж, помнить движение ног, не падать, не считать ступени, не говорить о возвращении вниз.

Он поднялся на одну ступень, потом на вторую. Впервые нарушение было не в словах, которыми он объяснил чужой сон, и не во времени, которое предпочёл не заметить. Он купил подпись, построил между отсутствующим человеком и пробуждением сестры цепочку из посыльного, намерения и заранее выбранных минут, а затем заставил учреждение признать её происхождением показания.

На третьей ступени Лев остановился. Внизу Кулик распределял очередь, наверху ждали комнаты, где граждан учили рассказывать правильно. Вернуться к окну значило бы признать утро частной ошибкой. Подняться — сделать её профессиональным качеством.

Он продолжил вверх.

Комната образцового сна

Центральное управление занимало здание бывшей гостиницы, и потому лучше районных бюро знало, как распределять людей по комнатам.

У входа Льва попросили назвать цель визита. Он показал приглашение.

— Ознакомление, — прочла дежурная. — С чем?

— С комнатой образцового сна.

— Тогда цель — сон.

— Я ещё не сплю.

— Цель указывается конечная.

Она вписала «сон», выдала ему матерчатые тапочки и велела оставить портфель в камере хранения. Лев отказался: внутри лежали рекомендация, прейскурант и вызов. Дежурная вызвала старшего, старший сверил печать Тамары Крайней и разрешил пронести портфель опечатанным. В ручки продели бумажную ленту. Теперь документы были при Льве, но недоступны ему — обычное состояние личной правды в учреждении.

Лифт не работал. На дверях висело объяснение: «В связи с внедрением образа вертикального перемещения сотрудникам рекомендовано пользоваться лестницей». Лев поднялся на шестой этаж. На каждой площадке стояло зеркало и табличка: «Запомните выражение лица до достижения цели». На четвёртом он перестал смотреть.

Его встретил инспектор Лобанов.

— Вы быстро, — сказал он. — В районном Бюро вас уже считают отсутствующим?

— Временно отстранённым.

— Это разновидность присутствия. Центральное ценит промежуточные состояния.

Лобанов провёл его по коридору бывших гостиничных номеров. Вместо дверных цифр висели названия: «Транспорт», «Урожай», «Семейная преемственность», «Преодоление», «Умеренная утрата». Из-за одной двери доносился голос преподавателя:

— Вы не спасли мост. Вы участвовали в сохранении сообщения. Спасение — личная заслуга, сообщение — общественная.

Хор повторил исправленную фразу.

— Курсы регистраторов? — спросил Лев.

— Граждан, — ответил Лобанов. — Регистраторы проходят дальше.

В комнате «Урожай» стояли двенадцать кроватей, но никто не спал. Люди в дневной одежде сидели поверх одеял и описывали воображаемое поле. Инструктор ходил между ними с указкой.

— Колосья одинаковой высоты? — спрашивал он.

— Нет, — отвечала женщина у окна.

— Почему?

— Потому что сон индивидуальный.

— Неверно. Разная высота означает неравномерность результата. Ещё раз.

Женщина закрыла глаза.

— Колосья одинаковые, но один наклонился.

— Причина?

— Ветер.

— Ветер не зарегистрирован. Вы его видели?

— Нет.

— Тогда колос наклонён без причины. Такая подробность вызовет возврат.

Лобанов прикрыл дверь.

— Раньше людей учили вспоминать, — сказал он. — Результаты были нестабильны. Теперь учим рассказывать.

— До сна?

— До показания. Не путайте последовательность с назначением.

— Они придут в бюро с одинаковыми полями.

— Нет. Один добавит трактор, другая — дождь, третий вообще увидит склад. Мы обучаем грамматике общественной пользы, а не содержанию.

— Грамматика определяет, что можно сказать.

— Именно поэтому её преподают.

Комната образцового сна находилась в конце коридора за двойной дверью. Перед первой Лев надел белый халат, перед второй — войлочные бахилы поверх тапочек. Лобанов проверил карманы и снял с лацкана Льва нитку.

Внутри было три спальни, разделённые стеклом. Первая изображала рабочее общежитие: железная кровать, тумбочка, кружка, шкаф с одним костюмом. Вторая — семейную комнату с двумя детскими кроватями. Третья была почти роскошной: отдельный письменный стол, ковёр, радиоприёмник и окно с настоящими шторами.

За стёклами люди репетировали пробуждение.

В общежитии мужчина лежал под серым одеялом. Над ним стоял свидетель с секундомером. По звонку мужчина сел и сказал:

— Я видел, как ремонтировал общую крышу.

Из громкоговорителя ответили:

— Слишком быстро. Первые слова не должны выглядеть подготовленными. Повторить с естественным замешательством.

Мужчина лёг. Звонок прозвучал снова. Он сел, потёр лицо, посмотрел на свидетеля и произнёс:

— Там была крыша. Кажется, общая. Я её чинил.

— Лучше. Уточнение «кажется» повышает достоверность, но не должно касаться действия.

В семейной комнате мать учила девочку свидетельствовать за младшего брата. Девочка должна была назвать первые слова, положение стрелок и цвет пломбы. Она путала синий с зелёным, и инструктор менял будильники местами.

— Это дети? — спросил Лев.

— Учебная семья.

— Настоящая?

— Для занятий достаточно родства по ведомости.

В третьей спальне никто не лежал. У окна стояла женщина в тёмном костюме и читала утреннее объяснение Льва. Тамара Крайняя была невысокой, с гладко зачёсанными седыми волосами. Она дочитала лист, не торопясь, и постучала ногтем по стеклу. Лобанов остался снаружи.

— Войдите, Нечаев.

Внутри ковёр глушил шаги. Лев впервые видел помещение, специально устроенное так, чтобы человек не слышал собственного приближения.

— Садитесь на кровать, — сказала Тамара.

— Я не участник занятия.

— Стул предназначен свидетелю. Кровать — заявителю. Другой мебели нет.

Лев сел на край. Матрас принял его вес мягче, чем домашний.

— Хорошая комната, — сказал он.

— Полезная. Хорошие комнаты распределяет жилищное управление.

Она положила объяснение на стол.

- Вы вставили отсутствующего свидетеля в проверяемую цепочку.
- Я разграничил установление бодрствования и физическое присутствие.
- Не повторяйте текст. Я умею читать.
- Тогда зачем спрашиваете?
- Проверяю, верите ли вы ему без бумаги.

За стеклом мужчина в общежитии снова просыпался. На этот раз он слишком долго изображал замешательство. Громкоговоритель велел сократить паузу: задержка свыше семи секунд могла означать конструирование.

— Показание моей сестры принято, — сказал Лев.

— Условно. Свидетель Берест обслуживал в то утро четверых граждан в трёх районах. Двое проснулись одновременно.

— Значит, проблема шире одного дела.

— Поэтому вы здесь.

Тамара открыла шторы. За окном вместо города оказалась нарисованная панорама: заводские трубы, школа, водонапорная башня, крыши. Настоящее окно было заложено кирпичом.

— Участникам легче видеть общественное, если оно уже находится перед глазами, — сказала она. — Но окно не должно зависеть от погоды.

— Они знают, что вид нарисован?

— После первого занятия. До него мы спрашиваем, заметили ли.

— И если не заметили?

— Рекомендуем наблюдательность.

Она села за стол, то есть заняла место свидетеля.

— Министерство создавали после зимы массовых отказов. Тогда распределение держалось на справках о стаже, здоровье и составе семьи. Справки противоречили друг другу. Сны предложили как мягкий добавочный показатель: добровольный рассказ, который показывал направленность человека.

— Теперь без него нельзя получить комнату.

— Потому что мягкие показатели удобны. Они не требуют запрещать человека. Достаточно поставить впереди другого.

— Содержание нельзя проверить.

— Вы повторяете это так, будто сообщили тайну.

Тамара нажала кнопку. Стёкла перед спальнями потемнели.

— Мы никогда не проверяли содержание. Мы проверяем способность человека дать рассказ, пригодный для общего решения. Система работает не потому, что сны истинны. Она работает потому, что миллионы людей согласны утром говорить в одной форме.

— А комнаты?

— Снижают число возвратов.

— Они учат лгать.

— Они учат не проигрывать тем, кто уже научился дома.

Лев вспомнил фиолетовую памятку, заводскую лестницу, Веру с тетрадью. Центральное не считало утечку пороком. Оно строило для неё этаж.

— Почему курсы не объявлены открыто?

— Потому что тогда граждане с высоким индексом потребуют признать свой навык заслугой, а с низким — компенсацией. Нам придётся назвать форму обучаемой. После этого индекс перестанет выглядеть личным качеством.

— Он им и не является.

— Разумеется. Но распределение должно объяснять результат человеку его собственными свойствами. Иначе дефицит становится политическим.

Она произнесла это без торжества, как стоимость угля.

— Вы хотите, чтобы я преподавал?

— Нет. Преподаватели соблюдают методики. Вы их создаёте раньше циркуляров.

Тамара подвинула объяснение к нему.

— В вашем утреннем деле меня интересует не родственная услуга. Это мелко. Вы соединили разорванную заготовку, посыльного, предварительно выбранное время и позднюю подпись так, что решение можно отменить только вместе с несколькими действующими правилами. Вы создали защищаемую причинность.

— Евдокия Павловна назвала это подделкой.

— Хороший районный руководитель обязан так назвать. Хороший центральный специалист обязан понять, можно ли сделать из неё инструкцию.

— Нельзя. Посыльный сказал настоящее время.

— Деталь исполнения. В следующей версии средство связи будет регистрироваться заранее.

Лев встал.

— Вы хотите узаконить платных свидетелей?

— Они уже существуют. Запрет лишь делает цену непрозрачной. Мы обсуждаем резерв свидетелей пробуждения при домоуправлениях. Оплата — через марку. Одному свидетелю можно будет подтверждать несколько квартир по маршруту.

— Одновременные пробуждения?

— С допуском по времени.

— Тогда свидетель не будет видеть момент.

— Он и сейчас редко видит. Мужья кипятят чай, матери будят детей, соседи стучат через стену. Мы стандартизируем реальность.

За затемнённым стеклом продолжалось беззвучное обучение. Лев видел только собственное отражение: белый халат, опечатанный портфель, кровать за спиной.

— Берест войдёт в резерв?

— Если переживёт проверку. Частная торговля станет нарушением не потому, что свидетельство ложно, а потому, что доход не учтён.

— А моё дело?

— Зависит от вас.

Тамара достала два листа. Первый был проектом перевода Льва в Отдел методической причинности. Кабинет на пятом этаже, служебный индекс плюс восемь, место в квартирной очереди после сорокового. Второй — заключением о вмешательстве в показание родственницы с рекомендацией отстранить его от регистрации.

— Оба подготовлены заранее, — сказал Лев.

— Будущее время полезно записывать до события. Вы ведь согласны?

— Берест за это взял двенадцать.

— Министерство платит оклад.

Она оставила листы рядом. Подписи не было ни на одном.

— Что требуется?

— Пройти демонстрационное испытание.

— Рассказать сон?

— Сначала научить рассказу другого. Затем показать собственную пригодность.

Тамара включила свет за стеклом семейной комнаты. Девочка по-прежнему путала пломбы. Мать устала и отвечала вместо неё.

— Семья Полуэктовых, — сказала Тамара. — Отец погиб на складе, матери нужна ведомственная комната. Индекс девочки учитывается как семейная устойчивость. Она видит один и тот же сон: пустое окно в школьном коридоре.

— Окно без вида?

- Она говорит, что за ним ничего нет.
- Это замкнутый образ.
- Поэтому вы найдёте действие, не меняя содержание.

Лев вошёл к ним. Мать поднялась, уступая кровать, но он сел на пол — там не было предписанного места и, следовательно, роли.

- Как тебя зовут? — спросил он.
- Лида.
- Что ты делала у окна?
- Смотрела.
- Долго?
- Пока не проснулась.
- Стекло было?
- Было окно.
- Рама?
- Была.
- Что значит пустое?
- За ним ничего.

Инструктор за стеклом поднял карточку: «Избегать отрицательных уточнений». Лев отвернулся от неё.

- Ты хотела увидеть что-нибудь?
- Нет.
- Почему смотрела?
- Проверяла.
- Что?

Девочка нахмурилась.

- Что ничего нет.

Мать шепнула:

- Скажи, ждала класс.
- Не подсказывайте, — сказал Лев.
- Нас для этого привезли.
- Вас привезли научиться отвечать.
- Какая разница?

Лида провела пальцем по одеялу.

— Там было тихо, — сказала она. — Все окна должны что-то показывать. А это не показывало. Я смотрела, чтобы никто не поставил туда неправду.

Лев почувствовал раздражение профессионала, услышавшего слишком хорошую фразу. Её можно было превратить в общественную бдительность, защиту школьного пространства от ложного изображения, контроль достоверности. Любой код дал бы семье нужные баллы. Но фраза перестала бы принадлежать девочке.

- Запишите дословно, — сказал он инструктору.
- Без классификации?
- Код «наблюдение за незаполненным общественным проёмом». Плюс два за контроль, без штрафа за отсутствие образа.
- Такого кода нет.
- Будет разовый комментарий.
- Тамара вошла в комнату.
- Почему не «охрана информационной чистоты»?
- Она не охраняла. Она смотрела.
- Почему общественный проём?

— Школьный коридор.

— Вы сохранили содержание и изменили значение.

— Это работа регистратора.

— Нет. Регистратор выбирает существующий код. Вы создали новый, чтобы не заставлять ребёнка добавлять действие.

— Вы этого хотели.

— Я хотела увидеть, где вы остановитесь.

Тамара отпустила семью. Мать благодарила Льва, девочка не смотрела на него. Код ещё не существовал, но благодарность уже возникла, и теперь отменить одно без другого было трудно.

— Вот почему вы нам нужны, — сказала Тамара. — Вы умеете превращать исключение в основание.

— А если я откажусь?

— Вернётесь в район до решения надзора. Возможно, сохраните должность. Ваша сестра — условный индекс до конца проверки. Берест даст показания о платеже.

— Это угроза.

— Это распределение последствий.

Она повела его дальше, в помещение без названия. Там стояли столы с карточками снов. Сотрудники вырезали из рассказов фразы и раскладывали по ящикам: «движение», «забота», «производство», «предупреждение», «утрата с выводом». Отдельный ящик был подписан «яркое, но бесполезное».

— Здесь рождаются циркуляры, — сказала Тамара. — Мы ищем повторяющиеся образы и назначаем им общественную функцию прежде, чем рынок частных толкователей успеет назначить свою.

— Лестницы нашли здесь?

— Наоборот. Проект циркуляра попал на насосный завод через методиста, чей брат руководит сменой. Завод обеспечил повторяемость. Повторяемость подтвердила необходимость циркуляра.

— Вы создали доказательство собственного решения.

— Мы провели ограниченное внедрение.

— На людях, которые потеряли работу.

— На людях, которые хотели её получить.

Лев вспомнил мастера, занявшего во сне место Глеба. Пустое место возникло раньше увольнения, а затем сон подтвердил, что туда следовало назначить человека.

— Кто решил, какой образ будет следующим?

Тамара указала на стенд. На нём висело объявление о городском конкурсе полезного сна. Победителю обещали десять пунктов индекса, отдельную комнату на год и публикацию рассказа в «Ведомостях пробуждения». Тема оставалась открытой.

— Граждане решат, — сказала она. — Мы только выберем.

— По каким критериям?

— Их разработаете вы.

— До получения рассказов?

— Разумеется.

— Тогда выиграет тот, кто узнает критерии.

— Поэтому критерии будут секретными.

Лобанов принёс папку конкурсных заявок и положил первую карточку перед Львом. Там было написано: «Мне снилось пустое окно. За ним город ждал, когда я его придумаю».

— Уже окно, — сказал Лев.

— После сегодняшнего занятия их станет больше, — ответил Лобанов.

Тамара посмотрела на него.

— Вам нужно представить собственный сон. Сотрудник методического отдела не может иметь индекс ниже семидесяти. У вас шестьдесят четыре.

— Служебная надбавка восемь.

— Она начисляется после перевода. Перевод — после испытания. Испытание — при достаточном индексе.

— Замкнутый порядок.

— Защищённая причинность.

— Я не могу заказать себе сон.

— Никто не может. Можно подготовить рассказ.

Она сняла с полки чистую карточку.

— Завтра утром явитесь сюда с показанием. Свидетеля предоставим. Прибор тоже.

— А если мне ничего не приснится?

— Пустое окно уже зарегистрировано как допустимый образ наблюдения. Вы сами только что создали трактовку.

— Для ребёнка.

— Коды не родственники. Ими можно делиться.

Лев взял карточку. Она была плотнее районной и пахла типографской краской. Графа содержания занимала половину листа, графа происхождения — две строки.

— Я должен повторить сон девочки?

— Нет. Повтор снизит уникальность. Создайте свой.

— Сон или рассказ?

Тамара улыбнулась впервые.

— На эту должность нужен человек, который знает разницу и умеет работать так, будто её нет.

У камеры хранения дежурная проверила целостность ленты на портфеле. Лента не была порвана. Всё утро Лев носил свои документы рядом, не прикасаясь к ним, и теперь получил их обратно как проверенное имущество.

На улице он открыл портфель. Заключение об утреннем вмешательстве лежало внутри. Лев не видел, как Тамара его положила. На обороте она написала: «При успешном показании — в архив». Ниже стояло место для её подписи.

Он дошёл до трамвайной остановки и посмотрел на окна Центрального. Снаружи они отражали город. За одним из них была кирпичная кладка и нарисованный вид, перед которым граждан учили естественно просыпаться.

Ночью ему предстояло увидеть что-нибудь полезное.

Впервые за много лет Лев боялся не дурного сна, а того, что сон окажется настоящим.

Сон о пустом окне

К девяти вечера Лев подготовил четыре сна, ни разу не сомкнув глаз.

Первый начинался на насосном заводе. Лев шёл вдоль цеха, и рабочие передавали ему по цепочке пустые вёдра. В последнем ведре лежала лестница, сложенная гармошкой. Её следовало развернуть, приставить к трубе и подняться к красному вентилю. Наверху он замечал течь, предупреждал аварию и просыпался до того, как вода заливала смену. Сон был ясный, полезный и своевременный. Его испортило ведро. Лев не мог решить, зачем взрослые люди передавали пустую тару, если лестница всё равно предназначалась одному человеку.

Во втором сне он спасал школьный коридор от неправды. На месте каждого окна была белая карточка, и дети по очереди рисовали на ней вид, который хотели увидеть. Лев проверял рисунки, снимал ложные и оставлял достоверные. В конце коридора сидела Лида и держала чистый лист. Этот вариант он перечеркнул сразу. Заимствование было слишком явным, хотя девочка наверняка никогда не узнала бы о нём.

Третий сон был короче: город просыпался без будильников, потому что Лев вовремя открывал главное окно Центрального. За окном вращалось огромное латунное колесо, соединённое со всеми домашними звонками. Он толкал колесо плечом, Позёмск вставал, трамваи выходили из депо, булочные поднимали ставни. Общественная польза получалась безупречной и потому подозрительной. Так могли рассказывать только люди, которым заранее сообщили критерии.

В четвёртом не было ни завода, ни школы, ни города. Лев стоял в комнате перед пустым окном и ждал, пока за ним появится необходимое изображение. Он знал, что появится именно необходимое, потому что внизу, под подоконником, находилась табличка с его фамилией. Этот сон не требовал подробностей. Он годился лучше остальных.

Лев разложил четыре листа на кухонном столе. Бумага заняла место ужина. Часы показывали девять двенадцать; до обычного времени сна оставалось меньше двух часов. Он прочёл каждый вариант вслух, проверяя не красоту, а запоминаемость. Красивый рассказ мог утром оказаться набором чужих слов. Полезный следовало повторить без запинки, как адрес при пожаре.

Он выбрал четвёртый и стал добавлять к нему признаки достоверности. Окно было деревянным, окрашенным в серый цвет. На раме сохранились три слоя краски: нижний зелёный, средний коричневый, верхний серый. Лев касался облупленного угла указательным пальцем. За стеклом ничего не было, но стекло отражало его руку. Потом на пустоте проступал городской план. Не весь Позёмск — только линии водопровода, отопления и трамвайных путей. Лев замечал разрыв возле Третьего кольца, сообщал дежурному, и город успевал перекрыть подачу до аварии.

Он записал: «Предупреждение об износе общего хозяйства». Рядом поставил возможный код: «наблюдение за незаполненным общественным проёмом». Код Лиды теперь числился допустимым. Тамара сказала, что кодами можно делиться. Лев повторил эту фразу и обнаружил, что она не делает присвоение менее похожим на кражу.

Он порвал лист и приготовил пятый вариант.

В пятом сне пустое окно принадлежало не школе, а его бывшей комнате в материнской квартире. За ним стоял строительный кран. Стрела поднимала новый этаж для жильцов с недостаточным метражом. Лев управлял краном из комнаты, не выходя на улицу, и каждому новому жильцу выдавал окно. Вере доставалась комната на солнечной стороне. Бересту — тесная кладовая без вида. Это было не общественной пользой, а расчётом, и Лев порвал лист ещё до конца.

В половине десятого позвонила Вера.

Телефон стоял в прихожей на табурете. Пока Лев шёл к нему, звонок повторился шесть раз — слишком настойчиво для приглашения и слишком ровно для беды.

- Ты дома? — спросила Вера.
- Если отвечаю по домашнему телефону.
- Можно отвечать из чужой квартиры.
- Тогда зачем спрашивать?
- Чтобы услышать, как ты соврёшь.

Лев посмотрел на кухонный стол. Из прихожей листы казались служебными бланками.

- Я дома.
- У меня завтра повторная явка. Ты помнишь?

Он помнил. После купленной подписи Береста её индекс оставался условным до конца проверки. Утреннее показание могло закрепить исправление или превратить его в доказательство вмешательства.

- В районном бюро всё подготовлено.
 - Там сказали, что принимать будет не твоя смена.
 - Так безопаснее.
 - Для кого?
- Лев не ответил.
- Мне снова должна присниться лестница? — спросила Вера.
 - Не обязательно та же. Повтор снизит уникальность.
 - Лев, я не спрашиваю про уникальность. Что мне говорить?

Он прикрыл глаза и увидел белую карточку в руке Лиды. Никакого сна за закрытыми веками не возникло, только память о чужом рассказе.

- Говори то, что приснится.
- Ты купил свидетеля, исправил карточку и теперь советуешь мне быть честной?
- Я советую не создавать второе расхождение.
- А первое кто создал?
- Я его устранил.

В трубке стало тихо. Лев услышал, как в квартире Веры щёлкнул выключатель.

— Мама говорила, что ты во сне никогда не разговаривал, — сказала она. — Даже ребёнком. Лежал тихо, будто боялся, что тебя запишут.

- Мама любила объяснять прошлое тем, что узнала позже.
- А что тебе снится сегодня?
- Ещё не знаю.
- Ты уже приготовил ответ.

Это прозвучало не вопросом. Лев посмотрел на часы. Девять тридцать восемь.

- Завтра у меня испытание.
- Значит, ты не спишь ради хорошего сна.
- Я готовлюсь.
- Это теперь так называется?

Он хотел сказать, что от его допуска зависит её проверка. Хотел перечислить: архивное решение, показание Береста, кабинет в Центральном, служебная надбавка, восемь пунктов, которые сначала начислят, а потом признают основанием начисления. Но каждое слово делало бы разговор частью конкурсной заявки.

- Приди утром и ничего не улучшай, — сказал он.
- Это приказ регистратора или просьба брата?
- Просьба.
- Тогда так и запомню.

Она повесила трубку. Лев ещё некоторое время держал её у уха. Потом вернулся на кухню, перевернул листы чистой стороной вверх и написал шестой сон.

В нём они с Верой стояли на лестничной площадке материнского дома. Лестница не вела ни вверх, ни вниз; оба пролёта заканчивались стеной. Вера предлагала выбить окно. Лев находил в стене уже готовую раму, открывал её, и за ней оказывалось бюро утренних показаний. Люди проходили через окно, сдавали сны и получали право продолжить путь. Когда очередь заканчивалась, Лев замечал, что Вера осталась по другую сторону.

Он перечитал и зачеркнул имя сестры. Затем вернул. Без имени сон становился общественным, но переставал быть его собственным.

К десяти часам квартира начала вести себя как учреждение после закрытия. Трубы стучали по установленному расписанию. Сосед сверху уронил что-то тяжёлое и долго передвигал по полу, словно ставил печать. В коридоре сквозняк шевелил квитанцию в дверной щели. Лев собрал листы в папку, убрал папку в портфель и достал снова. Если оставить текст на столе, он мог проснуться и перепутать подготовленное с приснившимся. Если спрятать, утром возникнет искушение прочитать.

В Центральном ему предоставят прибор и свидетеля. Прибор подтвердит время пробуждения. Свидетель — то, что Лев произнёс рассказ сразу. Ни один не подтвердит, что ночью происходило что-либо ещё. Именно поэтому подготовка была возможна. Именно поэтому она считалась подготовкой, а не подделкой.

Он положил выбранный текст в конверт и подписал: «Вскрыть после показания». Так документ становился контрольным экземпляром. Потом понял, что совпадение с контрольным экземпляром докажет не сон, а предварительность рассказа. Он надорвал конверт и сжёг лист над раковиной.

Бумага горела быстро, оставляя чёрные лёгкие края. Пепел опустился на эмаль в форме маленьких окон.

В десять двадцать Лев лёг.

Он всегда засыпал на правом боку, лицом к стене. В стене не было ничего, кроме пятна от снятой полки и тонкой трещины, уходившей к потолку. Сегодня трещина напоминала маршрут на городском плане. Он закрыл глаза и повторил выбранную последовательность: комната, окно, три слоя краски, пустота, линии хозяйства, разрыв, предупреждение, спасённый квартал.

На слове «пустота» он сбился.

Пустоту невозможно было представить как предмет. Стоило увидеть белое — получалась стена. Чёрное становилось ночью. Серое — туманом. Пустое окно Лиды было не цветом, а отсутствием обязанности показывать. Лев мог повторить её фразу, но не мог повторить то, что она увидела.

Он начал сначала.

Комната. Окно. Зелёная краска под коричневой, коричневая под серой. Палец на раме. За стеклом — ничего. Затем план. Разрыв. Дежурный.

На этот раз вместо дежурного появился Берест. Он стоял за окном и держал деньги, которые Лев передал ему во дворе. Лев открыл глаза.

Было десять двадцать семь.

Он перевернулся на левый бок. Матрас продавился непривычно, пружина упёрлась в бедро. Раньше Лев считал неудобство полезным: оно делало пробуждение отчётливым. Сейчас каждое прикосновение тела стало отдельным событием, не желавшим уступать место сну.

В десять сорок он встал, выпил воды и проверил дверной будильник. Пломба была цела. Стрелка сигнального барабана двигалась. На карточке ночного учёта оставалось пустое поле, которое прибор заполнит при утреннем звонке.

Лев вернулся в постель. Он решил применить порядок, которым пользовался в детстве: считать трамваи от депо до кольца. Первый выходил пустым. Второй вёз ночную смену. Третий задерживался у моста. На четвёртом он снова вспомнил критерии конкурса.

Сон должен был быть новым, но узнаваемым; личным, но общественно полезным; подробным, но пригодным для краткой карточки; неожиданным, но соответствующим секретным требованиям, которые составил сам Лев. Он создал шкалу, на которой обязан был победить, и не мог найти положение, не похожее на мошенничество.

В одиннадцать пятнадцать он снова зажёл свет. На кухне написал только одну строку: «Мне снилось, что я не мог уснуть, потому что готовил полезный сон».

Это было правдой, но не сновидением. Он поставил рядом возможную классификацию: «осознание ответственности составителя». Пять пунктов. Затем исправил на «предупреждение о чрезмерной подготовке». Семь. Потом на «самоконтроль должностного лица». Девять.

Он засмеялся. Смех вышел коротким и сухим. Любая бессонница становилась полезной, если оценивал её тот, кто не спал.

Лев лёг снова, не выключая света.

В полночь город перешёл на редкие звуки. Прошёл последний трамвай. Во дворе закрыли ворота. Водопровод вздохнул в стене и замолчал. Лев слушал собственное сердце, будто это был прибор пробуждения, который по ошибке начал работу раньше срока.

Он попробовал не готовить сон. Отпускал комнату, окно, план, сестру, Центральное. Мысли уходили не в темноту, а в очередь. Каждая требовала регистрации перед исчезновением. Лида у пустого окна. Глеб перед сухим морем. Мать, объясняющая его детское молчание. Тамара, снимающая чистую карточку с полки. Он превращал их в коды даже тогда, когда запрещал себе это делать.

В час ночи Лев решил, что уже спал.

Он не помнил перехода между двумя взглядами на трещину в стене. Значит, между ними мог находиться сон. Он сел и записал время предполагаемого пробуждения. Потом увидел, что стрелка часов двигалась всё это время и прошло меньше трёх минут. Запись порвал.

В половине второго он услышал шаги за дверью. Кто-то остановился на площадке. Лев ждал звонка, но вместо него в щель просунули бумагу. Это была памятка домоуправления: жильцам с индексом выше шестидесяти предлагалось добровольно сообщить о повторяющихся ночных шумах соседей. Сведения могли учитываться как образ общественного слуха.

Лев прочёл памятку трижды. Потом вышел на площадку. Там никого не было. Окно между этажами отражало жёлтую лампу; за стеклом лежал тёмный двор. Он спустился на один пролёт и поднялся обратно, чтобы устать. Повторил это десять раз. На восьмом пролёте встретил соседа в кальсонах.

— Вам тоже не спится? — спросил сосед.

— Я проверяю лестницу.

— После циркуляра?

— Какого циркуляра?

Сосед посмотрел на ступени и отступил к двери.

— Никакого.

Лев понял, что мог бы утром заявить сон о подъёме. Свидетель видел его на лестнице ночью, но свидетельство о бодрствовании не опровергало сон, если не совпадало время. Он поймал себя на том, что уже распределяет доказательства.

В два часа он погасил свет и убрал часы в ящик, чтобы не следить за ними. Через несколько минут достал. Было два ноль семь.

Тело требовало сна, но разум охранял момент засыпания. Стоило дыханию стать ровным, как Лев замечал это и возвращался. Он пытался представить падение, поезд, бесконечный коридор — привычные входы, о которых рассказывали посетители бюро. Каждый вход

оказывался классифицированным. Падение означало утрату положения. Поезд — согласованное движение. Коридор — распределение доступа. Он слишком хорошо знал цену образов, чтобы позволить им возникать бесплатно.

Около трёх он перестал готовить рассказ и начал готовить отсутствие рассказа.

«Сновидение не сохранилось вследствие конкурсного напряжения» — звучало медицински и требовало справки.

«Содержание отсутствует, факт сна подтверждён прибором» — прибор подтвердит только пробуждение.

«Пустое окно без последующих образов» — заимствование и отсутствие общественного действия.

«Наблюдение за пустым окном с целью предотвращения ложного заполнения» — код Лиды, улучшенный взрослым до неузнаваемости.

Он понял, что ненавидит девочку за фразу, которую собирался украсть. Ненависть была удобнее стыда: её можно было отнести к сопротивлению обучению.

В четыре десять за стеной зазвонил чужой будильник. Кто-то вставал в раннюю смену. Лев лежал с открытыми глазами и думал, что утро началось не для всех одновременно, а значит, Министерство управляло не сном, а очередностью признания утра.

Его собственный будильник должен был прозвонить в шесть. Оставалось меньше двух часов. Он мог отказаться от испытания, сослаться на недомогание, сохранить шестьдесят четыре пункта и ждать надзора. Тогда Берест даст показания. Вера останется с условным индексом. Тамара выберет другого методиста, который не спросит, чем сон отличается от рассказа.

Лев сел на кровати и впервые за ночь перестал пытаться уснуть.

Решение успокоило тело мгновенно. Веки стали тяжёлыми. Голова наклонилась. Он испугался сна и встал.

До шести Лев ходил по квартире. Вымыл чашку, хотя не пил чай. Сложил сожжённые листы в мусор. Побрызгал водой на лицо. В пять сорок надел костюм. Узел галстука пришлось перевязать трижды: пальцы дрожали.

Будильник зазвонил в шесть ровно. Молоточек ударил по чашке, сигнальный барабан протянул бумажную ленту. Перо отметило время пробуждения, которого не было.

Лев остановил звонок и посмотрел на отметку. Прибор добросовестно зарегистрировал переход из состояния, в котором он не находился.

В Центральное он приехал раньше служащих. Дежурная спальная находилась рядом с комнатой образцового сна, но сегодня кровать была застелена официальным серым бельём. На тумбочке стоял переносной прибор, а за столом — свидетель, незнакомый мужчина с удостоверением отдела независимых пробуждений.

— Лев Нечаев? — спросил мужчина.

— Да.

— Время домашнего сигнала?

Лев передал ленту.

Свидетель измерил отметку линейкой, записал шесть ноль-ноль и попросил изложить содержание без предварительных вопросов.

Лев положил руки на колени. В голове не было ни одного образа, только четыре отвергнутых текста и ночь, во время которой он их охранял.

— Мне снилось пустое окно, — сказал он.

Свидетель поднял глаза.

Лев продолжил. Он не повторял сон Лиды. В её рассказе окно ничего не показывало, и девочка следила, чтобы туда не поставили неправду. У Льва окно находилось в диспетчерской городского хозяйства. Оно оставалось пустым, пока все службы присылали несовмести-

мые картины аварии. Водопровод видел прорыв, транспорт — остановку, жилищный отдел — переселение, финансовый — превышение сметы. Лев отказался выбрать одну картину. Он открыл пустое окно, и через него служащие увидели друг друга. Вместо правильного изображения возник общий стол. На столе они начертили план ремонта, распределили людей и материалы и предотвратили разрушение квартала.

Рассказ складывался во время произнесения. Каждая следующая фраза закрывала дыру в предыдущей. Лев добавил запах мокрой извести, стук перекрываемых вентилей, трамваи, остановленные до провала мостовой, жильцов, которым выдали ключи до того, как их дом признали опасным. Он сделал сон подробным, связным и общественно полезным. Свидетель едва успевал записывать.

— Вы видели общий стол? — спросил он.

— Да.

— Через окно?

— Окно стало проходом.

— Это допустимо?

— Во сне — да.

Свидетель записал ответ как часть показания.

В семь пятнадцать пришёл Лобанов. Он прочитал карточку, не поздоровавшись, и отнёс в комиссию. В семь сорок Льва вызвали.

Тамара сидела во главе длинного стола. По обе стороны лежали конкурсные рассказы. Члены комиссии получили составленные Львом критерии в запечатанных конвертах и теперь делали вид, что всегда их знали.

— Уникальность образа снижена совпадением с заявкой номер сто восемьдесят два, — сказал Лобанов. — Пустое окно.

— Совпадает предмет, не функция, — ответил Лев. — В заявке окно охраняет отсутствие изображения. В моём показании оно обеспечивает согласование служб.

— Общественная польза?

— Предотвращение аварии и совместное решение при несовместимых ведомственных данных.

— Личная вовлечённость?

— Я отказался назначать единственную правильную картину.

Тамара посмотрела на него внимательнее.

— Во сне?

— Во сне.

Она знала, что он лжёт. Не потому, что могла проверить содержание, а потому, что сама дала ему задание подготовить рассказ. Комиссия тоже знала, зачем методисту предоставляют свидетеля после ночи на дому. Знание не мешало процедуре; оно составляло её молчаливое основание.

Лобанов подсчитал баллы. Уникальность — семь из десяти. Общественная польза — десять. Связность — девять. Предупредительный потенциал — десять. Соответствие текущим задачам города — десять. Личная достоверность — восемь.

— Итоговый пересчёт индекса: семьдесят шесть, — объявил он.

Служебная надбавка ещё не была начислена. Лев поднялся с шестидесяти четырёх до семидесяти шести только на рассказе, которого не видел. Карточка получила красную полосу конкурсного допуска.

Тамара подписала заключение об испытании. Затем достала из папки документ о вмешательстве в показание Веры. На обороте уже стояла её подпись.

— В архив, — сказала она.

Лобанов унёс оба документа: успешную карточку и закрытое нарушение. Они лежали рядом, будто одно являлось приложением к другому.

— Ваш кабинет освободят к понедельнику, — сказала Тамара. — Временный пропуск получите сегодня. Отдел методической причинности ждёт проект классификатора по итогам конкурса.

— Конкурс ещё не закончен.

— Теперь закончен.

— Остальные заявки?

— Послужат проверкой вашего решения.

Лев посмотрел на стопку карточек. Граждане ещё ждали результатов. Кто-то готовил сон несколько недель, кто-то купил свидетеля, кто-то действительно увидел ночью вещь, для которой не существовало кода. Победителем стал составитель критериев, не спавший ни минуты.

— Заявку Лиды нужно сохранить отдельно, — сказал он.

— Зачем?

— Как источник образа.

— Источником считается зарегистрированное показание победителя. Детская карточка — учебный материал.

— Она была раньше.

— Время происхождения образа не влияет на общественную пригодность.

Тамара произнесла это без насмешки. Так мог бы говорить Лев вчера.

Он вышел из комиссии с временным пропуском. На первом этаже служащая внесла новый индекс в его удостоверение. Старое число соскоблили ножом, место покрыли белой краской и поставили семьдесят шесть. Краска была ещё влажной, поэтому удостоверение велели держать открытым.

На улице люди замечали красную полосу допуска и уступали ему дорогу. В трамвае кондуктор предложила место у окна. Лев сел, раскрыл удостоверение на колене и смотрел, как город подтверждает правильность утреннего рассказа: трамвай идёт, трубы не лопнули, дома стоят. Любое обычное утро теперь можно было считать предотвращённой катастрофой.

Он закрыл глаза.

Сна за веками не было. Не воспоминания о сне, не обрывка, не цвета, который исчезает при попытке назвать. Была только ночь, разделённая часами, и удачная карточка, составленная утром.

Лев открыл глаза и посмотрел в трамвайное окно. Оно показывало Позёмск исправно: серые фасады, очереди у булочной, рабочего с лестницей, женщину, ведущую девочку в школу. На мгновение девочка повернула голову, и ему показалось, что это Лида. Но трамвай прошёл дальше, изображение сменилось, а пустоты не осталось.

Лев получил всё, ради чего готовил сон.

Внутреннего события, которое можно было бы подделать, у него больше не было.

Кабинет с кушеткой

Кабинет освободили не к понедельнику, а к обеду пятницы. Прежний сотрудник ещё выносил бумаги, когда Лев вошёл с временным пропуском.

— Куда ставить личное? — спросил он.

Сотрудник показал на кушетку.

Кушетка занимала треть комнаты. Она была обита зелёным дерматином, у изголовья имела ремешок для пломбы, а у ножки — медную табличку: «Служебное восстановление, не более двадцати минут». На письменном столе лежали три стопки конкурсных карточек. Окно выходило во двор Центрального, где грузчики перекачивали пустые металлические кровати из одного корпуса в другой.

— Я спрашивал про вещи, — сказал Лев.

— Здесь вещи не держат. Здесь восстанавливаются.

Прежнего сотрудника звали Аркадий Семёнович. Он не спросил, кто займёт кабинет: красная полоса на пропуске объясняла это лучше приказа.

— Почему вы уходите?

— Перевод.

— Куда?

— В отдел последствий.

— Повышение?

Аркадий Семёнович вынул из ящика кружку без ручки.

— Последствие.

Он передал Льву ключ, расписался в обходном листе и ушёл. На кушетке осталась вмятина, слишком глубокая для двадцати минут.

Лев сел за стол. Кабинет был вдвое меньше обещанного на экскурсии, но дверь запиралась изнутри, окно открывалось, а на стене висел отдельный телефон. В районном бюро телефон принадлежал смене, окно — очереди, дверь — контролёру. Здесь каждое неудобство было личным.

В папке с приказом значилось: «исполняющий обязанности методиста третьего разряда». Индекс семьдесят шесть давал право на должность, служебная надбавка восемь — после первой принятой методики. В жилищной очереди его должны были передвинуть со сто восемнадцатого места на сороковое после трёх месяцев без замечаний. Лев трижды перечитал условия. Повышение было настоящим, но каждую его часть выдавали в будущем времени.

Телефон зазвонил.

— Нечаев? — спросил Лобанов. — Крайняя ждёт первичную таблицу к четырём.

— Какую таблицу?

— Нового классификатора.

— Мне не передали задание.

— Передали кабинет.

Связь оборвалась.

Лев осмотрел стопки. Верхняя называлась «конкурс — допущенные», вторая — «яркое, но бесполезное», третья не имела надписи. В ней лежали рассказы, на которых карандашом поставили крест. Первый принадлежал женщине, увидевшей во сне, как покойный отец чинит её часы. Второй — мальчику, который плыл под столом и собирал упавшие слова. Третий — дворнику, обнаружившему в снегу тёплую дверь.

Лев отложил их. Для таблицы требовались допущенные.

Он нашёл служебную записку Аркадия Семёновича. «Цель пересмотра: сократить зависимость оценки от личности регистратора и обеспечить единообразное применение образов

без ограничения местной инициативы». Ниже перечислялись будущие графы: образ, действие, получатель пользы, масштаб, повторяемость, стоимость подтверждения, коэффициент своевременности.

Последняя строка была зачёркнута: «Не допускать, чтобы таблица заменила показание». Под ней другим почерком написали: «Формулировка неоперациональна».

Лев взял карточку с лестницей. Сон рассказывал мастер насосного завода: он поднимался по лестнице к неисправному клапану и спасал цех. По действующему циркуляру образ давал четыре пункта за движение вверх. Конкурсная комиссия добавила три за предотвращение аварии и два за руководство сменой. Итого девять.

Следующая лестница принадлежала старухе. Она несла наверх кастрюлю супа заболевшей соседке. Движение вверх — четыре, забота — два, общественный охват низкий — минус один. Пять.

Третья лестница спускалась в подвал, где жил незаконно вселившийся племянник заявителя. Образ был тот же, направление обратное, польза семейная, нарушение жилищного порядка. Карточку отклонили.

Лев написал первую формулу: базовая ценность образа умножается на направление действия и общественный охват. Получалось аккуратно, пока он не попытался обозначить числами суп.

К часу ему принесли служебный обед: котлету, гречку и компот. В районном бюро служащие ели по очереди за столом регистрации. Здесь поднос поставили на отдельную тумбу. Вместе с ним принесли квитанцию: стоимость питания удерживалась после начисления надбавки; до начисления считалась авансом Центрального.

Лев съел всё, хотя не чувствовал вкуса. Ночь без сна стала не усталостью, а тонкой плёнкой между ним и предметами. Чернила блестели слишком долго. Шаги в коридоре приближались после того, как человек уже проходил дверь. Когда Лев закрывал глаза, карточки продолжали лежать перед ним белыми прямоугольниками.

Он посмотрел на кушетку.

Двадцать минут служебного восстановления не считались сном, если сотрудник не сообщал содержание. Ремешок у изголовья позволял опломбировать будильник. На стене висела инструкция: лечь поверх одежды, установить сигнал, вызвать свидетеля по внутреннему телефону, после пробуждения отметить наличие либо отсутствие служебно значимого образа.

Лев позвонил в отдел свидетелей.

— Ожидание сорок минут, — ответили ему. — Без свидетеля восстановление допускается, но не подтверждается.

— Мне не нужно подтверждение.

— Тогда зачем вы позвонили?

Он положил трубку. Запер дверь, установил будильник на двадцать минут и лёг. Дерматин был холодным. Вмятина прежнего методиста подходила его телу не в тех местах.

Стоило закрыть глаза, Лев увидел окно трамвая. Он обрадовался, но сразу понял: это воспоминание. За окном проходили рабочий с лестницей и девочка. Он ждал продолжения. Изображение стояло неподвижно, пока будильник не прозвонил.

Прошло двадцать минут. Лев не спал.

Он отметил в журнале: «Восстановление выполнено. Служебно значимые образы отсутствуют». Формулировка сохранила и процедуру, и должность.

После отдыха числа стали хуже. Лев перестал различать общественную пользу и умение назвать частную выгоду общественной. Женщина несла суп соседке — малый охват. Мастер спасал завод — большой. Но если соседка работала врачом, суп поддерживал поликлинику. Если мастер спасал завод, который выпускал ненужные насосы, большой охват только увеличивал расход.

Действующий реестр решал это должностями: польза человека с высоким индексом распространялась шире. Лев всегда применял правило автоматически. Теперь ему предстояло вписать его в таблицу так, чтобы не было видно круга.

Он назвал графу «коэффициент связанной ответственности». Руководителю смены — 1,4. Специалисту — 1,2. Прочему трудоспособному населению — 1. Лицам с условным индексом — 0,8. Неучтённым — коэффициент не назначался.

Формула стала работать. Суп старухи подешевел. Заводская лестница сохранила девять. Сон Лиды о пустом окне получил бы меньше двух пунктов, если бы не новое толкование Льва. Его собственное окно набирало двенадцать.

Лев убрал последнюю строку расчёта.

В два часа пришла молодая машинистка Нина с чистыми бланками.

— Аркадий Семёнович диктовал, — сказала она.

— Я напишу сам.

— Тогда моя норма не выполнится.

Лев передал ей черновик. Нина села у края стола и начала печатать на переносной машинке. Каждая клавиша звучала как маленький штамп.

— «Связанная ответственность», — прочитала она. — Это если родственники?

— Нет. Если от действий человека зависят другие.

— От всех зависят другие.

— В служебном смысле.

— От моей печати зависит ваша таблица.

— Это исполнение, не ответственность.

Нина напечатала коэффициент единица.

— А если я ошибусь?

— Ответственность будет вашей.

Она посмотрела на него, потом поставила в строке машинисток 1,1.

— Что вы делаете?

— Исправляю зависимость.

Лев хотел забрать лист, но цифра показалась разумной. Без машинисток Центральное не могло размножать решения, а неразмноженное решение почти не существовало.

— Оставьте, — сказал он. — Но назовём это коэффициентом распространения.

Так в таблице появился второй множитель.

К трём часам частные метафоры начали двигаться по страницам независимо от рассказчиков. Лестница получила направление. Окно — степень обзорности. Вода — ресурсную значимость. Дверь — доступ. Умерший родственник — передачу опыта либо замкнутую утрату, в зависимости от того, сообщал ли он полезное действие. Ребёнок — будущий охват с отсрочкой. Полёт без маршрута снижал балл; полёт над городским объектом становился инспекцией.

Нина печатала всё без вопросов. Только на слове «море» остановилась.

— У нас нет моря.

— Поэтому образ требует поправки на местную недостоверность.

— А если человек раньше жил у моря?

Лев вспомнил Глеба и сухое дно.

— Подтверждённое прежнее место жительства снимает поправку.

— А если никогда не жил, но знает, какое оно?

— Откуда?

— Из книг.

— Тогда это культурное заимствование.

— А книги для чего?

Он посмотрел на неё. Нина ждала не философского ответа, а цифры.

— Коэффициент ноль девять, — сказал Лев.

— Море из книги менее настоящее на одну десятую?

— Менее личное.

— Но сон личный.

— Печатайте.

Она напечатала.

В три сорок Лобанов забрал первичную таблицу. Вернулся через пять минут.

— Крайняя просит объяснить, почему вдова, которой покойный муж показывает место спрятанных денег, получает меньше мастера у клапана.

— Частная выгода.

— Деньги пойдут на воспитание троих детей.

— Это не указано в карточке.

— Она вдова с тремя детьми. Указано в деле.

— Мы оцениваем сон или дело?

Лобанов положил лист обратно.

— Мы оцениваем пригодность решения.

— Тогда зачем карточка?

— Чтобы решение выглядело следствием показания.

Лев поднял голову. Лобанов произнёс это буднично, без доверительности.

— Добавьте семейную нагрузку, — сказал он. — И уберите слово «прочие». Тамара не любит, когда большинство населения выглядит остатком таблицы.

— Как назвать?

— Основная группа.

Лев внёс семейную нагрузку. Вдова поднялась выше мастера, если все трое детей были несовершеннолетними. Если старшему исполнялось шестнадцать, падала ниже. Сон не менялся, но день рождения ребёнка менял его общественную ценность.

В четыре Тамара пришла сама. Села на кушетку, проверила пальцем пыль на медной табличке.

— Восстанавливались?

— Двадцать минут.

— Успешно?

— Процедура выполнена.

Она поняла ответ и не стала уточнять.

— Таблица полезная, — сказала Тамара. — Особенно коэффициент распространения. Его не было в задании.

— Его предложила машинистка.

— Тогда не называйте её фамилию в пояснении. Возникнет вопрос о праве вспомогательного персонала участвовать в методике.

— Но предложение её.

— Предложения не имеют происхождения до регистрации.

Фраза повторяла судьбу пустого окна. Лев посмотрел на Нину. Та собирала копировальную бумагу и делала вид, что не слышит.

— Нужно проверить таблицу на живых показаниях, — продолжила Тамара. — Возьмите двадцать отклонённых карточек и пересчитайте. Если не менее трёх станут полезными, классификатор расширяет доступ. Если больше семи — он размывает критерии. Нам нужно от трёх до семи.

— А если получится два?

— Измените коэффициенты.

— А восемь?

— Измените коэффициенты.

— Значит, проверка подтверждает заранее заданный результат.

— Проверка устанавливает пригодные границы. Не притворяйтесь новичком, Лев. Она встала с кушетки.

— И ещё. Ваше конкурсное окно включено в проект циркуляра. «Межведомственная обзорность через незаполненный проём». Хорошая формула.

— Это была не формула.

— Теперь формула.

После её ухода Лев взял третью стопку — карточки с косыми крестами. Нина осталась печатать пояснение.

Первым он пересчитал сон покойного отца, чинящего часы. Передача опыта — два. Восстановление бытового прибора — один. Семейная нагрузка — полтора. Низкая повторяемость — ещё два. Итого шесть с половиной: допустимая польза.

Вторым был мальчик под столом, собиравший упавшие слова. Нина предложила «сохранение речевого имущества». Лев назначил культурный коэффициент, будущий охват и мелко-масштабное действие. Семь целых одна десятая.

Третьей стала тёплая дверь в снегу. Дворник открывал её и попадал в котельную, где гасла печь. Предупреждение аварии делало сон полезным без всякой новой таблицы. Его отклонили потому, что регистратор записал дверь как «поиск личного тепла».

— Исправить толкование? — спросила Нина.

— Мы не исправляем старые решения. Мы проверяем новую методику.

— Какая разница для дворника?

Лев отложил карточку в число ставших полезными.

К шестой карточке таких оказалось уже четыре. К десятой — семь. Лев остановился. Оставалось ещё десять, и любая могла вывести проверку за допустимую границу.

Он стал снижать коэффициенты.

Сначала уменьшил будущий охват детей. Сон мальчика выпал обратно в бесполезные. Затем ограничил передачу опыта: покойный должен был сообщать действие, применимое более чем в одном хозяйстве. Часы вдовы снова стали частным делом. Осталось пять.

— Вы же только что расширили доступ, — сказала Нина.

— Я уточнил границы.

— До нужного числа.

— Иначе таблицу не примут.

— Тогда зачем читать остальные?

Лев посмотрел на часы. Было пять двадцать. Стрелки дрогнули, и на мгновение ему показалось, что минутная стоит на восьмидесяти. Он моргнул. Обычный циферблат снова имел шестьдесят делений.

— Чтобы знать, кого исключили, — сказал он.

Они дочитали все двадцать. Итог сохранился: пять новых полезных показаний. Для этого Лев трижды менял веса и один раз ввёл исключение для образов совместного труда без видимого результата. Каждая поправка имела объяснение. Вместе они имели цель.

Нина подготовила чистовую таблицу. В графе автора стояло: «Л. Нечаев, исполняющий обязанности методиста». Коэффициент распространения числился частью его разработки.

— Поставьте подпись, — сказала она.

— А вы?

— Внизу есть строка исполнителя машинописных работ.

Лев подписал. Нина расписалась внизу мелко, почти на обреze листа.

Лобанов принёс справку о принятии первой методики. Служебная надбавка восемь пунктов вступала в силу со следующего утра. Новый индекс — восемьдесят четыре. Одновременно активировалось удержание за обед и пользование кабинетом повышенной категории.

— За кабинет удерживают?

— За категорию условий, — пояснил Лобанов. — Сам кабинет государственный.

— Кушетка тоже?

— Восстановление бесплатное. Подтверждение свидетелем — по тарифу.

Лев расписался. Временный пропуск заменили постоянным. На нём под красной конкурсной полосой появилась синяя методическая.

Когда все ушли, он запер дверь и снова лёг на кушетку. Будильник не ставил. За окном грузчики закончили перекачивать кровати. Двор опустел. В кабинете тикали настенные часы и остывала машинка.

Лев закрыл глаза.

Он не пытался придумать сон. Не считал трамваи. Не повторял окно. Кушетка держала тело, кабинет был заперт, индекс должен был вырасти утром без нового показания. Впервые за сутки от него ничего не требовалось.

Через некоторое время Лев открыл глаза. За окном было темно.

Он не знал, спал ли. Будильник молчал, свидетеля не было, время перехода никто не отметил. Между светлым двором и тёмным прошло событие, не подтверждённое ни одним прибором.

Лев мог оставить его себе.

Но на столе лежал журнал служебного восстановления. Пустая строка требовала времени начала, времени окончания и содержания.

Он записал: «Семнадцать сорок — восемнадцать двадцать пять. Служебно значимые образы отсутствуют».

Потом исправил начало на семнадцать сорок пять, чтобы длительность не нарушала разрешённые двадцать минут слишком заметно. Окончание оставил прежним. Получалось сорок минут.

Лев вырвал страницу. Под ней копировальная бумага сохранила первую запись.

В коридоре звякнули ключи ночного сторожа. Лев закрыл журнал, выключил лампу и вышел, забрав с собой копию классификатора.

Кабинет с кушеткой остался заперт. За один день он дал Льву отдельную дверь, восемь пунктов индекса и первое неподтверждённое время, которое пришлось подделать уже не ради Веры, конкурса или должности, а только затем, чтобы никто не увидел: между двумя записями могла существовать жизнь без служебного значения.

Глава 9. Архив отменённых образов

Утром индекс Льва стал восемьдесят четыре.

Число появилось в пропуске синей строкой, будто всю ночь вызревало внутри картона. В проходной дежурный впервые не попросил Льва вынуть документ из обложки. Только поднял стеклянную заслонку и сказал:

— Методический этаж — через правую лестницу.

Лев пошёл направо, хотя левая была короче. Новая лестница пахла мастикой, на площадках стояли кресла для лиц с индексом выше восьмидесяти. Никто в них не сидел. Право на отдых было заметнее самого отдыха.

В кабинете журнал лежал там, где Лев оставил его вечером. Вырванная страница обрывалась у корешка белой щетиной. Между листами не было копировальной бумаги.

Он закрыл дверь и перебрал ящик стола. Бумага нашлась под чистыми бланками, сложенная вчетверо. На ней проступали обе записи: первая — с настоящим временем начала, вторая — поверх неё, с исправленными цифрами. Синие буквы наслаивались друг на друга, но слово «отсутствуют» читалось дважды особенно ясно.

Лев поднёс лист к окну. Если оставить его у себя, находка при обыске станет украденным служебным материалом. Если вложить обратно, любой проверяющий увидит расхождение. Если уничтожить, в журнале останется вырванная страница.

Он услышал шаги и сунул копирку в папку с классификатором.

Вошёл Лобанов. Протянул новую справку об удержаниях и подождал подписи.

— Крайняя просила вас спуститься в архив, — сказал он. — Подобрать основания к обратному действию таблицы.

— Какому обратному действию?

— Если новый образ стал полезным, нужно знать, что делать со старыми решениями. Если старый образ перестал быть полезным — тоже.

— Пересмотреть?

— Это слово лучше не употреблять до появления порядка пересмотра.

— А какое употреблять?

— Сопоставить.

Лобанов указал на папку под рукой Льва.

— Возьмите действующую методику. Архив без основания дела не выдаёт.

Лев прижал папку локтем. Внутри, между таблицей коэффициентов и пояснительной запиской, лежала копировальная бумага с неподтверждёнными сорока минутами.

— Есть запасной экземпляр?

— Первый день в отдельном кабинете, а вы уже хотите запасной.

Лобанов улыбнулся одними усами и вышел.

Архив занимал подвальный этаж под столовой. Спуск начинался за дверью с надписью «Только для документов», словно человек мог пройти туда лишь при временном согласии стать приложением к папке. На нижней площадке Лев предъявил пропуск женщине в сером халате. Она не взглянула на индекс, зато провела ногтем по синей методической полосе.

— Новый, — сказала она.

— Постоянный.

— Полоса новая. Постоянного здесь ничего нет.

Она записала его фамилию в книгу посещений. Почерк был мелкий и ровный, с одинаковым расстоянием между буквами. На табличке стояло: «Софья Аркадьевна Веденеева, хранитель второй категории».

— Мне нужны прежние классификаторы полезности, — сказал Лев. — Для сопоставления.

— За какой период?

— За весь.

Софья подняла глаза.

— Весь период у нас занимает три комнаты. У вас основание на одну папку.

Лев показал новую таблицу.

— Это не основание, — сказала она. — Это причина будущей путаницы.

— Распоряжение заместителя министра.

— Распоряжение устное?

— Да.

— Тогда оно относится к воздуху. У нас хранят бумагу.

Лев уже собирался вернуться за запиской, но Софья взяла классификатор и стала читать. Палец её двигался по строкам быстро, без остановок. На коэффициенте связанной ответственности она усмехнулась, на коэффициенте распространения задержалась.

— Это вы придумали?

— Методика зарегистрирована за мной.

— Я спросила не это.

Лев забрал лист.

— Машинистка предложила уточнение.

— Значит, через пять лет окажется, что машинистки никогда не участвовали в разработке, а через десять — что без их участия методики считались недействительными. Как её фамилия?

— Нина. Фамилии не знаю.

— Очень удобно для истории.

Софья открыла ящик каталога. Карточки стояли там так плотно, что между ними нельзя было просунуть палец.

— Начнём с окон, — сказала она. — Они у вас теперь межведомственная обзорность. Посмотрим, чем они были раньше.

Она выдала ему халат без карманов, привязала к папке шнур с деревянной биркой и повела между стеллажами. В архиве было холоднее, чем на улице. Трубы под потолком гудели, но батареи оставались ледяными: тепло могло повредить бумаге, а люди считались сменяемыми.

Первая папка называлась «Проёмы, отверстия, неполнота ограждений». В ней лежали таблицы разных лет. Окно без стекла сначала обозначало готовность к восстановлению. Потом — утечку тепла. Ещё позже — недостаточную защищённость частной жизни. При кратком циркуляре о бытовой бдительности оно стало наблюдательным ресурсом, но через три месяца его переквалифицировали в пассивное созерцание.

— Один образ, пять решений, — сказал Лев.

— Семь. Два приложения изъяты.

— Почему?

— Потому что приложения противоречили основному циркуляру после его замены.

— Но до замены не противоречили.

— Поэтому их и пришлось изъять после.

Софья сказала это без насмешки. Она положила рядом две карточки граждан. В первой женщина видела открытое окно в школьном коридоре и получила прибавку за санитарную настороженность. Во второй мужчина заколачивал такое же окно перед бурей и потерял баллы за препятствие общественному обзору. Даты разделяло одиннадцать месяцев.

— Сейчас решение женщины было бы ошибочным, — сказал Лев.

— Сейчас ошибочным считается основание, на котором оно было правильным.

— Индекс ей снизили?

— Нет. Повысили требования к подтверждению следующего сна. Старую прибавку назвали временной.

— В карточке этого нет.

Софья перевернула лист. На обороте стоял бледный штамп: «Действие результата ограничено последующей методической необходимостью».

— Этот штамп ставят на всё?

— Теперь — на всё. Тогда его ещё не существовало. Поставили задним числом.

Лев коснулся штампа. Краска была моложе бумаги и моложе подписи умершего начальника отдела. Это видел бы любой, если бы листы выдавали гражданам вместе с решениями. Но гражданам выдавали выписку, а на выписке возраст краски не различался.

Софья принесла папку о воде. Море проходило по ней отдельным разделом, хотя Позёмск находился в четырёхстах километрах от ближайшего берега. В год программы дальних связей море означало широту хозяйственного представления. Сны о кораблях давали прибавку служащим снабжения, детям и отставным военным. После срыва поставок тот же образ стал признаком отвлечения от местных задач. Позднее его признали допустимым только для людей с подтверждённым прежним местом жительства у воды.

— Местная недостоверность, — прочла Софья из новой таблицы. — Девять десятых за море из книги. Это ваше?

— Моё.

Он вспомнил Нину, но не поправился.

Софья нашла карточку с рисунком: человек стоял на сухом дне, над головой у него висели рыбы. Лев на мгновение решил, что это дело Глеба. Фамилия была другая, дата — двенадцатилетней давности.

— Тогда сухое море считалось полезным предупреждением о расходе воды, — сказала Софья. — Автору дали общежитие вне очереди.

— А потом?

— Потом предупреждение признали пораженческим преувеличением. Человека не выселили. Его переселили в комнату меньшей площади из-за утраты основания для льготы.

— Это одно и то же.

— Для комнаты — да. Для отчёта — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.